

INSPIRIA

Портрет Дукреции

роман

Мэгги
О' Фаррелл

INSPIRIA

Мэгги О`Фаррелл
Портрет Лукреции
Серия «**Novel. Мировые хиты Мэгги О'Фаррелл**»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510595

Портрет Лукреции: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187665-4

Аннотация

**ОДИН ИЗ САМЫХ ОЖИДАЕМЫХ РОМАНОВ 2022 ГОДА.
НОМИНАНТ ЖЕНСКОЙ ПРЕМИИ ЗА
ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ.**

Что на самом деле произошло с Лукрецией Медичи?..

Флоренция, XVI век.

Лукреции Медичи 10 лет. Она знакомится с Альфонсо, женихом своей старшей сестры Марии. Незаметно для остальных он проводит пальцем по ее щеке.

Лукреции 15 лет. Она выходит замуж за Альфонсо вместо Марии. Его сестра шепчет ей: «Ты не знаешь, на что он способен...»

Лукреции 16 лет. Они с мужем одни в охотничьем доме. Он кормит ее ужином, он не взял с собой слуг. Этой ночью он ее убьет.

Наполненный красотой и изяществом исторический роман о судьбе Лукреции Медичи. Италия эпохи Ренессанса оживает на страницах книги Мэгги О'Фаррелл, автора международных бестселлеров.

«Завораживающий портрет женщины эпохи Возрождения, чья жизнь окутана тайной... О'Фаррелл блистательно наполняет чувствами написанные сцены... Поэтичный, многослойный роман». – Booklist

«Роман вызывающий и трогательный. Строки поэмы Браунинга переданы здесь очень чутко». – The Spectator

«Мэгги О'Фаррелл – одна из самых удивительных писательниц». – Washington Post

«Интригующий портрет молодой девушки, идущей, увы, не в ногу со временем». – Kirkus Reviews

«Прекрасно написанный, этот роман далек от простоты, и в то же время в нем есть увлекающая простота». – Guardian Book of the Day

Содержание

Историческая справка	6
Безлюдная глушь	7
Печальные обстоятельства зачатия Лукреции	11
Первый тигр в Тоскане	22
Оленина в вине	56
Семь галей[19] с золотом	69
Конец ужина	74
Все меняется	79
Истинная цель поездки	103
Кое-что из книги	105
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Мэгги О'Фаррелл Портрет Лукреции

Посвящается Мэри-Энн и Виктории

Maggie O'Farrell

THE MARRIAGE PORTRAIT

Copyright © 2022 by Maggie O'Farrell

© Шурупова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Историческая справка

В тысяча пятьсот шестидесятом году пятнадцатилетняя Лукреция, дочь Козимо I Медичи, покинула Флоренцию и переехала к супругу Альфонсо II д'Эсте, герцогу Феррары.

Не прошло и года, как девушка умерла.

Официальной причиной смерти назвали «гнилую горячку», однако слухи утверждали иное: Лукрецию убил собственный муж.

Вот перед вами, на стене, портрет
Моей последней герцогини. Свет
Не видывал такого мастерства!
Глядит, словно живая, с полотна...

Роберт Браунинг. Моя последняя герцогиня

Женщины <...>, скованные хотеньем, причудами, вельнями отцов, матерей, братьев, мужей... почти все время проводят в четырех стенах, томятся от безделья, и в голову им лезут разные мысли...

Джованни Боккаччо. Декамерон¹

---

¹ Перевод Н. М. Любимова (Здесь и далее прим. перев.).

Безлюдная глушь

Fortezza², недалеко от Бондено, 1561 год

Лукреция садится за длинный, влажно поблескивающий стол с еловым венком посередине, уставленный блюдами и перевернутыми кубками. Муж сидит не напротив, как обычно, а рядом – если захочется, можно положить голову ему на плечо; он разворачивает салфетку, поправляет нож и поддвигает свечу, и внезапно Лукреция видит мир будто через цветное стеклышко – или, напротив, в истинных красках. Приходит озарение: муж задумал ее убить!

Ей шестнадцать, со дня свадьбы не прошло и года. Почти весь день супруги провели в дороге: выехали из Феррары с восходом солнца, чтобы успеть засветло, и отправились на северо-запад провинции, в охотничье поместье – по крайней мере, так сказал муж.

«Но это вовсе не охотничье поместье!» – удивилась про себя Лукреция, добравшись до места. Над нею грозно возвышалось здание из темного камня. С одной стороны к нему примыкал густой лес, с другой – извилистая река По. «Зачем ты меня сюда привез?» – хотела спросить Лукреция, однако молча последовала за мужем через влажные ветви деревьев по изогнутому аркой мосту и въехала во двор причудливого

---

² Крепость (ит.).

здания в форме звезды. Оно сразу показалось ей до странного пустым.

Лошадей увели, Лукреция сняла промокшую накидку и шляпку, а муж наблюдал за ней, став спиной к очагу. Теперь супруг жестами подзывает слуг из полумрака коридора и велит накрыть на стол, порезать хлеб, налить вина в кубки. Ей тотчас вспоминается хриплый шепот золовки: «Во всем обвинят тебя».

Лукреция сжимает край тарелки. Несомненно, муж хочет ей смерти: его намерение ощутимо, словно на ручку ее кресла присела темнокрылая хищная птица.

Вот зачем они приехали в эту безлюдную глушь! Муж увез ее в каменную крепость, чтобы убить.

От потрясения Лукреция на миг покидает собственное тело и парит под сводчатым потолком, наблюдает за собой и мужем: они сидят за столом, едят бульон и подсоленный хлеб. Альфонсо наклоняется к ней и что-то рассказывает, положив руку на ее обнаженное запястье, а она кивает и говорит о живописной дороге к охотничьему поместью, будто между ними все по-прежнему, словно это обычный ужин, после которого они отправятся в постель.

Только это неправда. Зависнув под сырым каменным потолком, она вспоминает скучную дорогу: долгие часы по обледенелым полям, хмурое небо, уныло повисшее над голыми деревьями. Муж пустил коня рысью, и Лукреция милоу за милей тряслась в седле; спина отзывалась болью, а мок-

рые чулки до крови натерли ноги. Подбитые беличьим мехом перчатки не спасали от холода, а лошадиная грива вскоре покрылась изморозью. Муж ехал первым, два стражника скакали по сторонам. Когда город остался позади, Лукреции захотелось прищпорить лошадь, ударить пятками по бокам, полететь над землей и камнями... увы, нельзя: место Лукреции за мужем или сбоку, если он позовет, но никогда – перед ним. И они продолжили путь рысью.

Теперь, глядя в лицо своему возможному убийце, она жалеет, что не перешла на галоп. Надо было умчаться от мужа, заливаясь смехом, и пусть бы волосы и полы плаща развевались у нее за спиной, а из-под копыт лошади летела грязь! Надо было ускакать далеко-далеко, к холмам, и навсегда затеряться в ущельях и горных вершинах.

Облокотившись на стол, муж вспоминает, как отец привозил его сюда, в «охотничье поместье» (он упорно называет это место так) и заставлял пускать стрелу за стрелой, пока из пальцев не начинала идти кровь. Лукреция кивает и сочувственно бормочет в нужных местах, но хочет только одного – взглянуть ему в глаза и сказать: «Я знаю, что у тебя на уме».

Он удивится? Растеряется? Наверное, считает ее невинной, простодушной женошкой, еще ребенком? Она видит его насквозь. Он расставил ей хитрую, продуманную ловушку: отрезал от окружения из Феррары, не взял с собой никого из *castello*³. Только он, она, двое стражников у входа и горстка

---

³ Замок (*um.*).

слуг.

Любопытно, что ее ждет? Блеск ножа в темном коридоре? Руки на горле? Якобы случайное падение с лошади? Несомненно, все эти способы ему подходят. Только пусть сочинит версию поубедительнее, чтобы папа Лукреции поверил, иначе убийство не сойдет Альфонсо с рук!

Поставив кубок на стол, она оглядывает мужа, герцога Феррары, и гадает: что же дальше?

Печальные обстоятельства зачатия Лукреции

Палаццо, Флоренция, 1544 год

В будущем Элеонора не раз горько пожалеет о том, как зачала пятого ребенка.

Вообразите ее осенью тысяча пятьсот сорок четвертого в зале картографии флорентийского палаццо. Элеонора подносит карту к глазам (герцогиня немного близорука, но этого не признает). Придворные дамы стоят поодаль, у окон: хотя уже сентябрь, город до сих пор утопает в зное. Колодец во внутреннем дворе не дает прохлады, от его камней идет жар. На низком небе – ни облачка; дуновение ветерка не колышет шелковых занавесок, флаги на крепостной стене уныло никнут. Придворные дамы обмахиваются веерами, оттирают лбы платочками и беззвучно вздыхают: сколько им еще здесь стоять? Сколько еще Элеонора будет разглядывать карту? Что такого интересного в куске пергамента?

На бумаге серебряным карандашом обозначены вершины холмов, выющиеся угрем реки, неровные границы побережья, уходящие на север. Взгляд Элеоноры скользит по перекрестку дорог, соединяющих Сиенну, Ливорно и Пизу.

Элеонора прекрасно знает цену своим редким достоинствам: не только телу, способному произвести на свет мно-

жество наследников, но и красивому лицу – изящному лбу цвета слоновой кости, широко расставленным темно-карым глазам, губам, одинаково прелестным и в улыбке, и в недовольной гримасе. Кроме того, природа наградила ее острым, живым умом. В отличие от других женщин, значки на карте она мысленно превращает в плодородные поля, обширные виноградники, богатый урожай, поместья и налоги с арендаторов.

Она откладывает карту, но придворные дамы напрасно шелестят юбками, мечтая поскорее убраться из душной комнаты: Элеонора тут же поднимает вторую и рассматривает участок суши неподалеку от берега. На этой части карты нет никаких отметок, только местами небрежно обозначены водоемы.

Чего Элеонора терпеть не может, так это праздности. Под ее неусыпным руководством ни одна комната, коридор и вестибюль в палатце не пустует без дела: их отремонтировали, а чистые гипсовые стены изящно украсили. Детям, служанкам и придворным дамам не выпадает ни минутки безделья – они с утра до вечера следуют распорядку герцогини. Сама она тоже отдыхает лишь во сне, а в остальное время занята: ведет корреспонденцию, изучает языки, составляет планы и списки, следит за образованием и воспитанием детей.

Сколько всего можно сделать с болотистыми землями!.. В голову Элеоноры одна за другой приходят идеи: осушить местность. Нет, оросить! Засеять. Построить город. Выко-

пать систему озер и разводить рыбу. Возвести акведук или...

Раздаются шаги – уверенные, решительные. Она не поворачивается на звук, но улыбается про себя, подняв карту к свету и любуясь холмами и полями.

На ее талию опускается ладонь, еще одна – на плечо. Кожу щекочет колючая борода, к шее прижимаются влажные губы.

– Чем занята, пчелка моя? – шепчет супруг на ушко Элеоноре.

– Думаю над этим участком, – отвечает она, не опуская карты. – У моря, видишь?

– М-м-м, – бормочет он, приобнимает ее за талию и прижимает к углу стола, уткнувшись носом в ее прическу.

– Его бы осушить, и можно как-нибудь использовать: либо возделывать землю, либо начать там строительство, и... – Муж приподнимает ее юбки, и она умолкает. Его рука скользит по колену, бедру, а потом выше, гораздо выше. – Козимо, – шепотом журит Элеонора, но напрасно: придворные дамы уже покидают комнату, шурша юбками, а за ними следуют советники герцога, нетерпеливо толкаясь у выхода.

Наконец, дверь закрывается.

– Там плохой воздух... – продолжает Элеонора, все еще держа карту изящными фарфоровыми пальцами, словно ничего не происходит, словно муж не возится с ее нижними юбками, – ...зловонный и нездоровый. Если соберемся...

Козимо поворачивает ее лицом к себе и забирает карту.

– Конечно, дорогая. – Он мягко подталкивает Элеонору

обратно к столу. – Как захочешь, так и будет.

– Ну же, Козимо, только взгляни!

– Позже. – Он бросает карту на стол и усаживает на нее жену, приподняв ворох юбок. – Позже.

Она только вздыхает, прикрыв кошачьи глаза: мужа не удалось отвлечь. И все же она берет его за руку.

– Обещаешь? – настаивает Элеонора. – Обещай! Ты позволишь мне распоряжаться этой землей?

Козимо шутливо борется с ней, пытаясь вытащить ладонь, – разумеется, это только игра. Одна его рука шириной с две ее! Он мог бы вмиг сорвать с Элеоноры платье, даже не спрашивая, будь он совершенно другим мужчиной.

– Обещаю, – говорит он, и она отпускает его руку.

«Я никогда не отказывала ему в этом, – думает Элеонора, когда муж приступает к делу, – и не откажу». В браке ей предоставлено куда больше свободы, чем иным женщинам. Неограниченный доступ к ее телу – малая плата за власть и многочисленные послабления.

У Элеоноры уже четверо детей, и она хочет еще – столько, сколько заронит в нее муж. Для благополучия провинции необходима большая герцогская семья. До женитьбы Козимо на Элеоноре династия почти прервалась и канула в Лету, а теперь? Власть Козимо и влияние Флоренции незыблемы. Благодаря Элеоноре в детской уже спали двое мальчиков-наследников, будущих последователей отца, и две девочки, которых выдадут замуж за представителей других знатных се-

мей.

Она цепляется за эту мысль: ей снова хочется зачать и к тому же забыть о некрещеном младенце, которого потеряла в прошлом году. Элеонора никогда не упоминает случившееся, даже духовник не знает о вечном призраке ее кошмаров – жемчужно-сером личике, скрюченных пальчиках. Она мечтает его вернуть, тоска не утихает, и единственное лекарство от этой загадочной меланхолии – поскорее родить другого ребенка. Она снова забеременеет, и все будет хорошо. У нее крепкое, здоровое тело – не зря тосканцы прозвали ее «*La Fecundissima*»⁴; роды для нее отнюдь не адская пытка, как для других женщин. Заботы о детях она поручила своей няньке Софии, которую привезла из отцовского дома. Элеонора молода, красива, муж верен ей и крепко любит, исполняет все ее прихоти. Она заселит детскую наследниками, будет рожать ребенка за ребенком. Почему нет? Ни один младенец больше не ускользнет от нее раньше срока – она не допустит!

Муж трудится в жарком *Sala delle Carte Geografiche*⁵, советники и придворные дамы тоскливо вздыхают, прикрывают зевки, обмениваются усталыми взглядами, а мысли Элеоноры перескакивают с умершего младенца на болотные топи, заросли камышей, россыпь желтых ирисов, редкие пучки травы, мелькают расплывчатые образы болотных паров и туманов... Приезжают инженеры с механизмами и трубами,

---

⁴ Плодороднейшая (ит.).

⁵ Зал географических карт (ит.).

избавляют от излишней влаги и сырости... На полях обильный урожай, пасется тучный скот, а довольные подданные заселяют новую землю.

Элеонора опускает руки на плечи Козимо и внимательно разглядывает карты на стене, пока муж приближается к пику наслаждения. Вот Древняя Греция, вот Византия, обширная Римская империя, созвездия, неизведанные моря, острова – настоящие и вымышленные, окутанные грозowymi облаками вершины гор.

Разве могла она предвидеть, что совершает непоправимую ошибку, что следовало закрыть глаза и думать о супружеском долге, о сильном и красивом муже, который по-прежнему желает ее спустя столько лет? Откуда ей было знать, что рожденный после их соития ребенок окажется совсем не похожим на своих милых, послушных братьев и сестер? Увлечшись идеями, она позабыла о силе материнского отпечатка – и священники, и лекари в один голос твердили: характер ребенка определяется мыслями матери в момент зачатия. В будущем она не раз упрекнет себя за эту невнимательность.

Увы, слишком поздно. Мысли Элеоноры блуждают, где им заблагорассудится, словно обладают собственной волей, а взгляд цепляется за карты, ландшафты, дикие просторы.

Козимо, великий герцог Тосканы, завершает акт привычным хриплым стоном и нежно привлекает к себе жену. Элеонора тронута, но и рада наконец спуститься со стола (в кон-

це концов, день очень жаркий!). Она велит придворным дамам проводить ее в покои, распорядиться о мятном *tisana*⁶, сиесте и, наверное, чистой одежде.

И вот девять месяцев спустя на свет рождается девочка. Она громко кричит, извивается в пеленках, сбрасывает тугой свивальник⁷ и даже спит, беспокойно вертась; лишь на несколько минут она берет грудь кормилицы, которую тщательно выбрала София, а глаза ее всегда широко раскрыты, словно высматривают далекие горизонты, и Элеонору одолевает смутный стыд. Неужто в диком нраве ребенка виновата она? Все из-за нее? Она держит свои опасения в тайне, особенно от Козимо. Само существование этой девочки ее пугает: Элеонора всегда считала себя образцовой матерью детей, безупречно здоровых и душой, и телом. А теперь свое нравная, сложная девочка ставит под удар роль Элеоноры во Флоренции.

Она все утро проводит в детской, укачивая пронзительно кричащую дочь; старшие дети затыкают уши и убегают в другую комнату. Господи, а если они переймут поведение младшенькой?! Станут вдруг, как та, вечно плакать и упрямиться? Не раздумывая, Элеонора переселяет дочку из детской на нижний этаж палатцо. «Только на время, – успокаивает она себя, – пока девочка не станет поспокойнее». Расспро-

---

⁶ Чай (*um.*).

⁷ Свивальник – полоса ткани, которой плотно обвивали младенца поверх пеленок.

сив слуг, она выбирает дочке в кормилицы кухарку. Широкобедрая, жизнелюбивая женщина с радостью берет Лукрецию под крылышко: ее собственная дочь уже подросла, делает неуверенные шажки по каменным плитам – ей почти два года, пора отнимать от груди. Элеонора каждый день отправляет служанку на кухню – проверить, хорошо ли ребенка кормят. Свой материнский долг она исполняет добросовестно, тревожит только недовольство Софии, старой няни Элеоноры: она противится «изгнанию» Лукреции, но кормилицу вполне одобряет – еще бы, София сама ее выбрала. Однако герцогиня упорно стоит на своем: девочка должна жить отдельно от других членов семьи, в подвальной кухне, окруженная слугами и кухарками, бульканьем котлов и печным жаром. Лукреция лежит в деревянной лохани для стирки, а дочь кормилицы приглядывает за ней, гладит ее кулачки и тотчас зовет мать, стоит малышке плаксиво сморщиться.

Когда Лукреция начинает ходить, на нее чуть не падает котел с кипятком, и тогда девочку возвращают наверх, в детскую. Как грустно без привычной кухонной суеты и пара от кастрюль, а четверо незнакомых детей и вовсе ее пугают; она плачет два дня кряду. Верните кормилицу! Когда резались зубы, она давала деревянные ложки, чтобы чесать десны. Верните ложки! Верните букетики трав на подоконнике! Верните сырную корочку или кусочек теплого хлеба в ласковой руке! Ей не нужна комната с рядами кроватей, не нужны эти одинаковые дети: они постоянно перешептываются, ко-

сятся на нее, а потом встают и уходят! Малютке смутно припоминается жуткая картина: грохот, огромный черный котел на полу и поток шипящей жидкости. Не нужны ей заботы нянек – нечего им одевать ее и кормить! Ей нужна кухарка, ее молочная мама. Вот бы сжать пальцами прядку ее шелковистых волос, свернуться на мягких коленях и сладко уснуть. Вот бы увидеть доброе лицо молочной сестры, которая поет песенки и позволяет рисовать веточкой в золе...

София качает головой и бормочет:

– Говорила же, нельзя отсылать ее в подвал!

Девочка соглашается поесть, только если поставит тарелку на пол рядом кроватью.

– Как из леса сбежала, – ворчит София.

Она решительно заходит в покои Элеоноры и обо всем докладывает, уперев кулаки в боки, но ее бывшая подопечная только устало вздыхает и кладет в рот очищенный миндаль. Герцогине вновь предстоит рожать, и круглый живот горой возвышается под одеялом. Элеонора ждет мальчика. На сей раз она не стала полагаться на удачу и велела завесить комнату портретами здоровых юношей за достойными мужскими занятиями – метанием копья и сражениями на турнире. Она соглашалась выполнять супружеские обязанности только здесь, к большому разочарованию Козимо: он любил предаваться страсти в коридоре или в мезонине. Но нет, Элеонора не повторит прежней ошибки.

В четыре года Лукреция равнодушна к куклам, не играет

с братьями и сестрами и не ест за столом, как положено, – ей куда интереснее быть одной, носиться по крытой галерее, как дикарка, или часами глядеть из окна на город и далекие холмы за его пределами. Когда художник приезжает написать ее портрет, шестилетняя Лукреция вертится и ерзает, покуда Элеонора не выходит из терпения и не отсылает ее в детскую – картины не будет. В восемь или девять у Лукреции появляется новая причуда: она наотрез отказывается носить обувь, даже когда София шлепает ее за непослушание. А в пятнадцать, накануне свадьбы, она поднимает ужасный шум из-за платья, которое Элеонора лично поручила швеям и продумала, от синей шелковой ткани до узора из золотой парчи. Лукреция влетает в покои матери и во весь голос кричит: ни за что она не наденет платья, не наденет – и точка, оно ей велико! Элеонора сидит за *scrittoio*⁸ и занята письмом одной из любимых аббатис, однако твердо и сдержанно отвечает дочери: платье ушивают, ей самой это прекрасно известно. Конечно, Лукрецию это ничуть не успокаивает, она переступает черту. Почему ее заставляют донашивать вещи за покойной сестрой, Марией?! Мало того что Лукреции достался ее жених, так теперь и замуж она пойдет в ее платье!

Элеонора откладывает штифт⁹, мысленно поднимается из-за стола и подходит к арке, под которой стоит дочь. Снова вспоминается день ее зачатия. Элеонора смотрела на кар-

---

⁸ Письменный стол (*um.*).

⁹ Штифт – инструмент для рисования и письма по пергаменту и бумаге.

ты древних стран, грезила причудливыми, бурными морями, драконами и чудовищами, покорила неистовым ветрам, сбивающим корабли с курса. Роковая ошибка! Сколько лет она преследует Элеонору, и как жестоко наказывает ее судьба!

А на другом конце комнаты стоит Лукреция, ее угловатое лицо блестит от слез и расцветает надеждой. Элеонора знает, о чем думает дочь: «Мама поможет. Она спасет меня – и от платья, и от брака. И все будет хорошо».

Первый тигр в Тоскане

Палаццо, Флоренция, 1552 год

Во Флоренцию прибыл знатный гость из другой страны и преподнес великому герцогу картину с тигром. Козимо восхитился подарком и вскоре пожелал владеть этим необыкновенным, беспощадным хищником. Для увеселения гостей в подвале палаццо построили зверинец, и тигр чудесно вписался бы в коллекцию экзотических животных.

Козимо поручил своему *consigliere*¹⁰ Вителли найти тигра, поймать и доставить во Флоренцию. Советник знал, что этим кончится, еще когда увидел картину, и только украдкой вздохнул и исправно записал приказ в учетную книгу. Он надеялся, что государя отговорят от этой затеи или он сам о ней забудет, занятый восстанием республиканцев в Сиене¹¹.

Однако Козимо не оправдал тайной надежды Вителли.

– Как обстоят дела с тигром? – однажды спросил герцог. Он стоял на террасе и готовился к ежедневной тренировке – снимал с охотничьего сокола клубочек и пристегивал к поясу оружие.

Вителли принялся судорожно листать учетную книгу и что-то пробормотал о сложностях на морских путях с Восто-

---

¹⁰ Советник (*ит.*).

¹¹ Сиенская республика с 1530 года находилась под властью испанцев. Это стало причиной восстания, а также войны 1553–1555 годов.

ка. Козимо не поддался на обман. Герцог в упор посмотрел на Вителли левым глазом; его чуть косящий правый глаз глядел немного в сторону от советника.

– Неприятная новость, – покачал головой герцог, вкладывая сначала один, потом второй кинжал в сапоги, как делал всегда, переступая порог палатки. – Очень неприятная. Ты ведь знаешь, вольеры в подвале уже готовы: пол подмели, решетки закрепили. – Он взял из рук слуги кожаный пояс и затянул на талии. – Нельзя держать клетки пустыми, нужно что-нибудь в них хранить. Или кого-нибудь.

Козимо поднял свой любимый меч – легкий и изящный, с узорчатым клинком, и рассек им воздух, на мгновение задержав на Вителли взгляд, полный жестокой насмешки.

Великий герцог вложил меч в ножны и спустился с террасы. За его спиной перешептывались секретари, наверняка их позабавила эта сценка – Вителли мог поклясться, что слышал сдавленный смешок.

– Возвращайтесь к работе! – прикрикнул советник, громко хлопнув в ладони. – Все за дело!

Секретари неспешно разбрелись, а Вителли упал на стул за рабочим столом, мрачно призадумался и притянул к себе перо и чернила.

Об интересе Козимо к тигру сообщили эmissару, наместнику, морскому капитану, торговцу шелком, советнику султана, вице-королю, торговцу специями, заместителю секретаря во дворце махараджи, двоюродному брату махараджи,

самому махарадже, его жене, сыну, а потом опять замести-телю секретаря, а дальше солдатам и жителям бенгальских окраин.

Тигра изловили, привязали к жерди и увезли на корабле из жаркого края обильных дождей и густой зелени. Долгие недели и месяцы зверь провел под палубой в сырой, покрытой солью темнице и наконец прибыл в портовый город Ливорно. На суше тигра посадили в деревянную клетку и привязали ее к телеге, запряженной шестью перепуганными мулами.

Когда слуги с тигром уже подъезжали к Флоренции, Вителли письмом велел им подождать до темноты за воротами города. Советник распорядился ни в коем случае не везти зверя по улице средь бела дня – следовало припрятать телегу в каком-нибудь лесистом месте и ждать ночи.

Вителли рассудил так: флорентийцы ни разу не видели тигров, а потому шума не избежать. Зеваки столпятся поглазеть на диковинку, поднимется крик, дамы лишатся чувств, а юноши примутся на спор подстрекать зверя, тыкать в него копьями и палками. А если животное придет в ярость и разорвет пути? Вдруг, обезумев, оно ринется на улицу и сожрет детей и горожан? Лучше повременить до полуночи, тогда никто ничего не услышит и не узнает.

Конечно, кроме маленькой Лукреции, лежащей в тесной кровати с сестрами под самой крышей палатки. Кроме Лукреции с печальным, серьезным взглядом и тонкими блек-

лыми волосами, столь непохожими на медно-каштановые роскошные локоны, унаследованные братьями и сестрами от матери-испанки. Кроме Лукреции, худенькой и маленькой для своих лет, каждую ночь спящей на самом краю матраса (старшенькая, Мария, любила раскинуться посреди кровати и вечно толкалась острыми локтями). Кроме Лукреции, засыпающей позже всех.

Она одна слышала рык тигрицы, когда повозка въехала в ворота палаццо – то был низкий, гулкий звук, словно ветер завыл в трубе. Ночь пронзил жалобный вопль – один, другой – и перешел в хриплый рокот.

Лукреция вскочила, будто ее кольнули иглой. Что за странный рев проник в ее сон и разбудил? Она осмотрелась.

Природа наградила Лукрецию тонким слухом: она слышала разговоры этажом ниже или на другом конце длинной бальной залы. Благодаря причудливой акустике палаццо наполнилось звуками и вибрацией, шепоты и шаги разносились по балкам, эхом отдавались за мраморными рельефами и спинами статуй, проникали сквозь клокот воды в фонтане. Уже в семь лет Лукреция догадалась: если прислониться ухом к обшитой деревом стене или дверной раме, можно узнать много любопытного, например, как рукополагают нового кардинала, ждут приезда брата или сестры, обсуждают вражескую армию вдали за рекой, или внезапную смерть недруга на улице Вероны, или скорый приезд тигрицы. Пусть эти разговоры совсем не касались Лукреции, они змеей про-

скользнули в ее мысли и пустили там корни.

И снова вопль! Нет, не рык, как ожидала Лукреция, – в голосе тигрицы звучала тоска, отчаянная, хриплая нотка. То был плач существа, взятого в плен людьми, совершенно различными к его желаниям.

Лукреция выпуталась из одеяла и складок длинной Марииной ночнушки и спустилась на пол. Неуклюжесть движений, за которую ее частенько наказывала учительница танцев, без следа исчезала в детской: Лукреция всегда бесшумно скользила по полу, а ноги сами избегали треснувших или шатких каменных плит. На цыпочках прокралась она мимо постели, где спутанным клубком лежали братья, мимо низенькой кровати на колесиках, где *balia*¹² крепко прижимала к себе спящего малыша Пьетро. У двери сопели еще две няньки, но Лукреция перешагнула через них и отворила два засова.

Юркнув наружу, она пошла вдоль коридора, напоследок заглянув в комнату, – к счастью, старшая няня, София, мирно храпела. Остановившись у стеной панели с маленькой стрелкой, девочка со второго раза нащупала латунную задвижку. Дверца отворилась вовнутрь, и Лукреция исчезла в узком проходе, едва ли шире ее самой.

Палаццо пронизывали многочисленные потайные ходы – иногда огромное, толстостенное здание представлялось Лукреции яблоком, сплошь проточенным червями. София как-

---

¹² Кормилица (*ит.*).

то обмолвилась (она и не подозревала, что Лукреция неплохо понимает неаполитанский диалект, на котором няни разговаривали между собой), что переходы предназначались для герцога и его семьи на случай нападения. Лукрецию так и подмывало спросить: чьего нападения? Однако она сообразила: нельзя выдавать секрет, полезно знать, о чем болтают няни среди ничего не подозревающих детей.

Через потайной ход можно было попасть во внутренний двор по извилистой скользкой лестнице с неровными ступенями. Лукреция не боялась, нет! И все равно задержала дыхание, подобрав рукой подол сорочки, чтобы не споткнуться. Как скоро ее найдут за потайными стенами, если она вдруг упадет и поранится? Услышат ли ее крики?

Лестница вилась кругами, словно моток шерсти. Затхлый воздух дышал сыростью, будто там долго держали живое существо. Лукреция подбадривала себя: «Не опускай голову, не останавливайся! В конце концов, бывало и хуже – так ведь?..» Ее подхлестывала мысль о тигрице. Обязательно нужно на нее посмотреть!

Когда тьма и запах стали невыносимы, появилась узкая полоска света. Дошла! Отодвинув маленькую, холодную щеколду, Лукреция поднялась по крытой лестнице со скошенными окнами на стенах и дважды убедилась: в бархатной уличной черноте не было ни стражников, ни слуг. И наконец с опаской выпрямилась.

Внизу жалобно ревели ослы, цокали копыта, потом про-

звучал яростный рокот, похожий на раскат грома. Уперевшись в мраморный подоконник, она выглянула из окна.

Двор раскинулся под ней темной ямой в тусклом свете факелов на колоннах. Шестерых запряженных мулов обступили отцовские слуги в красно-золотых ливреях. Слуги кружились у повозки с заостренными палками в руках, перекрикивались друг с другом: «Отойди!», «Подальше, подальше!», «Замри!», «Осторожнее с рукой!», «Держи узду!», «Аккуратно!»

Один дотянулся до факела и взмахнул им перед телегой, озарив тьму огненной аркой. Животное ответило сердитым шипением. Мужчины рассмеялись. Еще одно движение – и снова гнев и страх зверя.

Крепко держась за подоконник, Лукреция наклонилась ниже и наконец увидела грациозную гибкую фигуру: тигрица не переходила из одного угла клетки в другой, а скорее перетекала, словно кипящая лава. Деревянные решетки сливались с черными полосами на мехе тигрицы, а его цвет напоминал полированное золото. Огонь во плоти, живая ярость и сила, изысканность и жестокость; полосы на теле пророчили тигрице заточение в клетке, будто сама судьба предназначила ей плен.

Мулы вырывались, мотали головой и в страхе поджимали губы. Они не видели тигрицу сквозь шторы, но ощущали ее присутствие и запах, знали: она совсем рядом, захочет – и схватит. Если бы не деревянная клетка, она бы разорвала на

куски всех и вся – и мулов, и людей.

Мулы рванулись вперед, и повозку поглотила огромная пасть арки. Лукреция, не шелохнувшись, смотрела на опустевший двор и мерцающие на колоннах огоньки. Тишина, будто ничего и не было!

Палаццо отличалось изменчивостью, подвижностью, схожей с колебаниями флюгера. Иногда оно казалось Лукреции самым безопасным местом на свете, каменной крепостью за высокими стенами, где дети герцога жили в целости и сохранности, будто стеклянные фигурки в шкафу. А иногда дворец виделся ей мрачной тюрьмой.

Он стоял на углу самой большой пьядцы во Флоренции и тянулся до реки, а его стены возвышались над горожанами, как скалистые утесы. Длинные узкие окна не позволяли прохожим заглянуть внутрь. Из крыши поднималась квадратная башня с огромными колоколами, звон которых сообщал городу время. Зубчатые стены окружали палаццо со всех сторон, как поля – шляпу; детям очень редко позволяли там играть. Вместо этого они каждый день отправлялись с Софией на прогулку по крытым переходам, дышали свежим воздухом. По словам няни, их мама считала, что дети лучше растут от игр и упражнений, поэтому им разрешали играть в догонялки, бегать от одного открытого окна к другому и смотреть на прохожих далеко внизу.

Из самого дальнего угла перехода виднелась дверь палац-

цо и статуя подле нее – мраморный мужчина, смотрящий в сторону. Он словно избегал чужого взгляда, а на плече у него висела праща. Иногда Лукреция замечала уголком глаза, как родители обходят пьедестал и шагают в крытый экипаж: если стояла зима, мать носила меха, а если лето – цветной шелк. Предпочтение она отдавала желтому, алому и виноградному оттенкам. А если экипаж откуда-то возвращался, Лукреция высовывалась из окна, насколько хватало храбрости, и прислушивалась к легкой поступи матери и уверенной походке отца, в такт которой колыхалось перо на его шляпе.

София уверяла, что знает каждый уголок палатцо, и говорила детям: если сложить рост троих взрослых мужчин, то получится толщина стен в палатцо, вот до чего они плотные! Для одного лишь оружия есть отдельная комната с мечами и доспехами вдоль стен, а другая комната построена только для книг.

– Том за томом, куда ни глянь, – рассказывала няня, протирая детям лица влажным полотенцем или застегивая платья, – целые полки, а шкафы выше меня. Жизни не хватит все прочитать.

Также был зал с картами каждого уголка света и всех звезд на небе. За железной дверью с несколькими засовами хранились драгоценности их мамы: какие-то из казны испанского двора, какие-то от папы, но своими глазами София сокровищницу не видела – никто не видел, ибо открыть ее мог только герцог. А еще была огромная комната размером с

пьящцу; весь потолок у нее был украшен и расписан.

– Чем? – спрашивала Лукреция, увернувшись от полотенца и заглядывая няньке в глаза.

– Ангелами, херувимами, великими воинами, сражениями, – отвечала София, возвращая голову подопечной на место. – В этом роде.

Когда Лукреции не спалось (то есть частенько), она воображала эти комнаты, поставленные одна на другую, словно кубики, которыми любил играть младший брат. Оружейный зал, зал карт, расписной зал, сокровищница... Сестра Лукреции, Изабелла, хотела посмотреть драгоценности, Мария – позолоченных херувимов на потолке. Франческо, будущий герцог, важно заявил: все эти комнаты он уже видел. И не раз. Джованни, погодка Изабеллы, только закатил глаза и тотчас получил от Франческо пинок по голени.

Никто не поинтересовался, что хотела бы посмотреть Лукреция. А если спросили бы, она бы ответила: *Sala dei Leoni*, львиный зал. Поговаривали, что у отца есть особая надежная комната в подвале под зверинец. Больше всего отец любил показывать почетным гостям львов, а иногда, забавы ради, он стравливал львов с медведями, кабанами, один раз даже с гориллой. Слуга, носивший животным еду, как-то шепотом поделился секретом: львы до того любят герцога, что позволяют ему заходить в вольер. И он заходит! В одной руке у него мясо на заостренной палке, а в другой – хлыст. Дети никогда не посещали *Sala dei Leoni* (хотя Франческо спорил,

что там бывал), но если ветер дул в определенную сторону, раздавался приглушенный вой. А в жаркие дни до крытого перехода, особенно в задней части палатки, выходящей на *Via dei Leoni*¹³, доносился странный запах – тяжелый, душный смрад нечистот и пота. Мария с Изабеллой жаловались и прикрывали носы шарфами, а Лукреция бродила по переходу в несбыточной надежде хоть краешком глаза увидеть взмах хвоста или косматую гриву.

Наутро после приезда тигрицы в детской было так тихо, словно Лукреции заткнули уши воском. Она уснула лицом в подушку, а подняв голову, заметила, что растянулась посреди кровати совсем одна. Никто не толкал ее на край! Сестры ушли, братья тоже, судя по пустой постели на другом конце комнаты. И малыши пропали.

Надо же, как стало спокойно! Лукреция неспешно разглядывала беленые стены, свернутые покрывала, каменные ступеньки к подоконнику, кувшин с водой на полке.

Из-за открытой двери раздавались привычные звуки завтрака: крики и плач троих младших, звяканье ложек о тарелки.

Лукреция гребла руками и ногами на прохладных простынях, будто плыла по морю. На мгновение ей захотелось снова лечь на подушку – вдруг получится уснуть? – однако вспомнилось гибкое сильное плечо в черную полоску, и она реши-

---

¹³ Улица львов (*ит.*).

ла посмотреть на зверя вблизи. Обязательно. Иначе никак. Хотелось встать перед ним, полюбоваться, как полосы сочетаются с оранжевым мехом. Можно ли пробраться в *Sala dei Leoni*? Кажется, потайного хода туда нет, а в коридоре или проходе ее заметят. Как же, ну как же в него попасть?!

Встрепенувшись, она соскользнула с кровати. Холодные шершавые плиты дугой изогнули ступни Лукреции. Девочка поспешно надела шерстяное *sottana*¹⁴ и домашние туфли. Сквозь стылый воздух она пробиралась, подобно путнику, идущему вброд по ледяной воде. В голове роились идеи, как найти тигрицу.

Лукреция остановилась на пороге в другую комнату. По одну сторону стола расположились по росту четверо старших детей с одинаковыми рыжевато-каштановыми волосами. Все – погодки: Марие было двенадцать, Франческо одиннадцать, Изабелле десять, Джованни восемь. Они следовали один за другим, как ступеньки лестницы. Едва не касаясь головами, дети шептались о чем-то над хлебом и молоком.

На противоположной стороне сидели няни с маленькими подопечными – тремя мальчиками, тоже погодками: Гарциа исполнилось три, Фердинандо – почти четыре, малышу Пьетро не было и года. А вот Лукрецию со старшими и младшими разделял промежуток больше чем в два года: после Джованни родилась только она, и никто не заполнил пере-

---

¹⁴ Соттана – платье с квадратным вырезом, поверх которого по желанию можно надеть верхнее (зимарру).

рыв между нею и Гарциа. Однажды она спросила няню Софию, почему. Почему у нее нет брата или сестры ближе по возрасту? София в ту минуту усаживала Фердинандо на горшок, братик яростно упирался, и няня сказала устало: «Может, твоя бедная мама хотела отдохнуть».

Лукреция подошла к столу боком, ставя одну ногу к другой. Она представляла себя тигрицей, что крадется на сильных лапах и внушает всем ужас.

Оказывается, ей не оставили стула. Ее место заняла кормилица с маленьким Пьетро, завернутым в шаль; высунув из-под пеленки ноги, братик сосал грудь, сжимая и разжимая пальцы.

Лукреция немного постояла между кормилицей и спиной Джованни, а потом взяла со стола ломоть хлеба. Ела стоя, отрывая кусочки зубами. Она тигрица, расправляется с добычей, но никто и не подозревает, что среди них хищница! Приобняв Изабеллу за плечи, Мария рассказывает что-то Франческо, Гарциа рвется с колен Софии на пол: ему хочется бегать. Наивные!

Лукрецию заметили, только когда она залакала молоко из чашки.

– Лукре! – прикрикнула София. – Прекрати сейчас же! Господи ты боже мой, что бы сказала твоя мать? – Она отпустила Гарциа, и он сразу помчался играть в кубики. – Что у тебя с волосами? В лесу ночевала? Почему платье задом наперед? Сущее наказание, скоро меня в гроб загонит! – жало-

валась она другим нянькам, стягивая платье Лукреции через голову.

Девочка замерла, будто статуя у ворот палатки, пока София распутывала колтуны и стирала молоко у нее с подбородка. А куда деваться? Няня была поперек себя шире, вдобавок плечистой и с тяжелой рукой. Щербатая улыбка – ибо зубов у Софии почти не осталось – редко озаряла ее лицо. Непослушание и баловство она пресекала строго. Няня постоянно напоминала маленьким подопечным: детская – ее владение, и всё там будет, как она велит. «Не твое, а мамино, старая корова», – как-то раз буркнула себе под нос Изабелла и сразу же получила суровое наказание – шесть ударов прутом и в постель без ужина.

Однако София не таила обид. Наутро Лукреция уголком глаза увидела, как сестра, чудом присмирившая, обнимает няньку за шею, целует в щеку и что-то шепчет ей в чепец. София улыбалась, обнажая черные ямы на месте зубов, и ласково вела Изабеллу к столу.

Зажав губами шпильки, няня продиралась щеткой через волосы Лукреции, а другой рукой зажимала ей ухо. Не отрываясь от своего занятия, София велела *balia* отнять Пьетро от груди и запеленать получше, сказала Франческо не жадничать, а хорошенько пережевывать еду, и стала помогать Марии с утренними уроками.

Лукреция скривилась, когда щетинки зацепились за колтун, но не вскрикнула. Да и зачем? Стоит только ойкнуть,

София раз – и шлепнет по ноге этой же щеткой!

Девочка отрешилась от всего вокруг и мысленно перенеслась в подвал *Sala dei Leoni*. К ней мягко крадется тигрица, в ее горле клокочет рык, но она не укусит, нет! Спокойно взглянет на нее, а Лукреция поприветствует зверя низким рокотом, и...

Ее дернули за ухо, и вот она снова в детской. Вокруг – гогот и насмешки. Что она пропустила?.. Старшие братья и сестры наконец ее заметили, потешались над ней и тыкали пальцами, а Изабелла даже согнулась пополам от хохота.

– Вы чего? – растерялась Лукреция, потирая мочку уха.

– Ты...ты... – Джованни прыснул.

– Что я? – выпалила она. Почему все на нее глазают?! Лукреция обхватила руками мягкий нянин живот и уткнулась в него лицом, прячась от насмешливых взглядов.

– Ты рычала, – с ледяным неодобрением ответила Мария.

– Как медведь! – подхватила Изабелла. – Ну ты потешная, Лукре!

Они встали из-за стола и вышли, весело переговариваясь: Лукреция, мол, притворялась медведицей!

София грубовато погладила ее между лопаток. Лукреция прижалась к фартуку няни и вдохнула привычный запах – Софиин, и больше ничей – дрожжей, соли, пота, и нотки чего-то пряного, похоже, корицы.

– Ну же, – поторопила няня. – Поднимайся!

Лукреция запрокинула голову, не разжимая объятий. Тай-

на щекотала ей грудь изнутри, словно между ребер норовила выскользнуть шелковая лента. Рассказать Софии про тигрицу или не надо?

– Почему у тебя нет зубов? – вместо этого спросила она. Нянька легонько стукнула ее по голове щеткой.

– Да потому, что пришлось кормить твою маменьку, ее сестер и братьев, а каждый ребенок забирает по зубу, а иной раз по два или три.

Как же так? Лукреция украдкой глянула на кормилицу. Та застегивала платье, а Пьетро перевесился через ее плечо. У нее тоже выпадут зубы? Все разом? Младенцы и зубы, молоко и сестры, молоко и братья... Неужели они с Марией, Франческо, Изабеллой и Джованни стоили *balia* по зубу, или даже по три?

София подняла Гарциа на колени, и младший брат Лукреции, лепеча, обнял няню за шею.

– Но почему... – начала Лукреция, однако София перебила:

– Хватит расспросов. Марш на уроки!

Лукреция нехотя забрела в классную комнату, где учитель античной истории разворачивал карты и таблицы, что-то объяснял, обводя нужные места указкой. Франческо тоскливо глядел в окно, Мария согнулась над грифельной доской и прилежно записывала события Троянской войны, а Изабелла корчила рожицы Джованни, стоило учителю повернуться спиной. Изабелла не просто гримасничала, а еще и

сгибала пальцы, словно когтистые лапы: видимо, ей пока не надоело дразнить Лукрецию за невольный рык.

«Никак не успокоится», – с легкой тревогой подумала она и юркнула на свое место за маленькой партой в конце комнаты, после широких парт Изабеллы и Марии. Лукреция ходила на уроки всего несколько месяцев, сразу как ей исполнилось семь – этот возраст отец считал подходящим для начала обучения.

Учитель античной истории – молодой человек с заостренной бородкой – стоял перед ними с вытянутой рукой и шевелил губами, объясняя тему. Потом придет учитель музыки, они возьмутся за инструменты. После – черед рисования. Учитель поручит ей самое скучное задание – выписывать алфавит, пока остальные рисуют. Лукреция спрашивала, можно ли ей присоединиться к старшим, ведь это так интересно – переносить на чистый лист весь мир, изображать с помощью пальцев и мелка увиденное глазами, воспринятое мозгом, но взрослые велели подождать, пока ей не исполнится десять. Предстояла череда дней, месяцев и лет – унылых и однообразных, неотличимых один от другого.

Из головы не выходила кормилица. И выпавшие зубы Софии. И тигрица. И самые заветные желания: увидеть тигрицу, рисовать вместе со всеми, еще раз побывать в загородном поместье, где их учили ездить верхом и позволяли бегать по саду. Лукреция отрешилась от урока и унеслась в фантазиях далеко-далеко. Она представляла, что снова стала младен-

цем, и ее кормит добрая тигрица без клыков. Мех у нее гладкий, как шелк, а лапы ласковые, мягкие, и малышка Лукреция целыми днями спит в львином зале, зарывшись в теплый бок зверя. Никто туда не заходит, и никто ее там не ищет...

Стук указки о карту вырвал Лукрецию из грез.

– Где корабли греков попали в штиль, когда они отправились в Трою?

Франческо сонно моргал; Мария, облокотившись на рукав Изабеллы, недовольно поджимала губы: похоже, сестра шептала ей на ухо что-то неприятное.

«В Авлиде», – мысленно ответила Лукреция, взяла штафит и нарисовала на оборотной стороне листа длинную линию горизонта, пронизанную высокими мачтами неподвижных кораблей. Паруса свернуты, канаты на смывках уходят вниз, к скрытым в глубине якорям. Затем добавила алтарь со ступенями и людей на них. А пока работала, вспомнила лекцию о художественной перспективе, которую на прошлой неделе читал старшим учитель рисования, пока она выписывала буквы. Теория гласила, что мир состоит из слоев и глубин, как океан, и его можно изобразить линиями, которые пересекаются и сходятся в одной точке. Лукреции давно хотелось попробовать.

– Изабелла? – прищурился учитель.

Сестра отвернулась от Марии.

– Да?

– Назови, пожалуйста, место, где греческие корабли попа-

ли в штиль.

«Авлида», – опять подумала Лукреция, не отвлекаясь от рисунка. Она добавила девушку в длинном одеянии, и, сосредоточенно нахмурившись, постепенно сближала края дорожки, чтобы соединить их по закону перспективы в точке схода, как им объяснял учитель.

Изабелла старательно изображала задумчивость.

– Оно начинается с «гаммы»¹⁵, да? – Изабелла очаровательно склонила голову набок и одарила учителя самой прелестной из своих улыбок.

– Нет, – ответил учитель, равнодушный к ее притворству. – Джованни? Мария?

Оба покачали головами.

– Авлида, – вздохнул учитель. – Помните? Мы на прошлой неделе проходили. А как Агамемнон, царь Микен, умилиствовал богов, чтобы те послали ему попутный ветер?

Тишина. Изабелла заправила прядку волос за ухо, Франческо подергивал рукав.

«Принес в жертву дочь», – вспомнила Лукреция, пририсовав облачение алтарю – складки ткани безвольно повисли, будто снасти на корабле. А вот как Ахиллес поджидает дочь, она рисовать не станет. Не станет!

– Как Агамемнон добился, чтобы греческие судна попали в Троию? – повторил учитель.

«Перерезал дочери горло», – прошептала про себя Лукре-

---

¹⁵ Гамма – третья буква греческого алфавита.

ция. Она помнила каждое слово мифа, который учитель рассказал им на прошлой неделе. Так уж работал ее мозг. Слова впечатывались, как следы подошв во влажную почву, и затвердевали там навсегда. Иногда Лукрецию распирали слова, лица, имена, голоса, разговоры; голова пульсировала, ее шатало под грузом увиденного и услышанного, она врезалась в стены и углы столов. Тогда София укладывала ее, задергивала шторы, давала выпить *tisana*, и девочка засыпала. После пробуждения мысли были разложены по полочкам, как в шкафу – пусть полным, зато аккуратно разобранном.

А в классной комнате учитель спрашивал про Агамемнона и ветер. Лукреция положила голову на руки и шепотом предостерегала девушку с рисунка (Ифигению – необыкновенное имя, никогда она такого не слышала...). «Берегись, берегись!» – произнесла Лукреция одними губами. Отец соварал Ифигении, что выдает ее замуж. За Ахиллеса, бессердечного, но блистательного воина, сына морской нимфы. Доверчивая Ифигения отправилась к алтарю, но не свадебному, а жертвенному. Агамемнон перерезал ей горло кинжалом. Нет, невыносимо!

Не думай об этом, не представляй наивную девушку, блеск лезвия, зловеще спокойное море, вероломного отца, кровь и красные пузыри на алтаре! Эта история еще не раз вспомнится ей темной ночью. К ее постели подкрадется Ифигения с рассеченным горлом, похожим на алый шарф, и будет щупать одеяло ледяными, бескровными пальцами...

Едва не плача, Лукреция запихнула рисунок под книгу и надавила на глаза пальцами, чтобы заплясали цветные пятна. Сквозь гул в ушах она слышала слова учителя: «Ифигения», «жертва», а еще: «Что с ней? Заболела?»

– Не беспокойтесь! – отмахнулась Мария. – Она так внимание привлекает. Маменька говорит, ее лучше не трогать, и она сама перестанет.

– Точно? – протянул учитель с сомнением, какого никогда не звучало в его рассказах о греках, троянцах, кораблях и походах. – Может, позвать, м-м-м, няню?

Лукреция отняла ладони от лица. Яркий свет на мгновение ослепил ее, но потом она различила пристальные взгляды братьев и сестер, а еще учителя античной истории.

Она первой заметила за его спиной отца.

«Тигрица, у него в подвале тигрица!» – пронеслось в голове Лукреции.

Изабелла тут же выпрямилась, Джованни старательно склонился над дощечкой, Франческо поднял руку.

– Да, Франческо? – На щеках учителя горел румянец, а плечи одеревенели от напряжения: как и дети, он прекрасно знал, что в классную вошел Козимо, великий герцог Тосканы.

Отец страстно увлекался античностью и серьезно относился к ее преподаванию. Он сам подыскал детям учителя и говорил, что с семи лет и сыновья, и дочери равно должны изучать как греческую, так и римскую историю. Учитель

рассказывал, что у Козимо была впечатляющая коллекция манускриптов, недавно привезенных из Константинополя, и ему позволили их посмотреть и даже потрогать, как он признался с застенчивой гордостью.

Козимо вошел в комнату, держа руки за спиной. Вышагивал между парт и смотрел, что записывают дети. Коснулся макушки Франческо, кивнул Марии, потрепал Изабеллу по плечу; неторопливо и решительно прошел стол Лукреции. Краем глаза она видела заостренные носы башмаков, оборчатые манжеты. Хорошо, что она спрятала рисунок! Отец стоял немного у окна, а потом сказал:

– Прошу, продолжайте, синьор. – Он улыбнулся ровными, белоснежными зубами. – Представьте, что меня тут нет.

Учитель прокашлялся, спешно пригладил бородку и снова показал на карту Древней Греции.

– Изабелла, – начал он. Неужели нарочно выбрал любимицу Козимо? Понимал ли, что она не сможет ответить? Он даст ей легкий вопрос? – Пожалуйста, напомним нам, как Агамемнона втянули в Троянскую войну? Как он был связан с Еленой Прекрасной?

Изабелла выпрямилась, прижала локти к себе, аккуратно заправила за уши пряди. Папа стоял у стены, поднимаясь и опускаясь на носках. И тут Лукрецию осенило.

– Изабелла? – повторил учитель, постукивая указкой по бедру. – Как Агамемнон связан с Еленой?

Лукреция наклонилась, будто бы за штифтом, словно

невзначай прикрыла рот ладонью и прошептала в спину сестре:

– Елена была женой его брата, Менелая.

И выпрямилась. Изабелла вскинула голову от неожиданности, а Мария недоверчиво нахмурилась, покосившись на сестру.

– Она была женой его брата... Какого-то Мене.

Учитель улыбнулся с явным облегчением. Отец кивал, пока тот хвалил замечательный ответ Изабеллы и объяснял: брата звали Ме-не-лай.

– А вот как это имя пишется по-гречески. Перенесите, пожалуйста, на дощечки...

Лукреция наскоро переписала греческие буквы и снова наклонилась вперед.

– Мария! – прошептала она. – У папы есть тигрица, ночью привезли.

Сестра опять полуобернулась к ней, но вовремя спохватилась: учитель проверял, как они выполнили задание, указывал Джованни на ошибки: нужно отточить написание этой буквы, поработать над этим крючком... Папа вновь смотрел на дверь. Лукреция затаила дыхание. Он уже уходит?..

Учитель молча прошел мимо Изабеллы, и только он наклонился к дощечке Лукреции, как Изабелла позвала:

– Папа!

Герцог обернулся, уже взявшись за ручку.

– Что?

– До меня дошел один слух! – объявила она, невинно приложив палец к щеке.

– Неужели? И какой?

– Привезли тигрицу! – подпрыгнула на стуле Мария.

Отец опешил. Поначалу он не нашелся с ответом, а потом улыбнулся и сказал:

– Ушам не верю! Слышали ее, синьор? Всё-то мои дочки знают! – Он погрозил пальцем Изабелле и Марии. – В маму пошли!

Изабелла восторженно хлопнула в ладоши.

– Можно поглядеть? Папуля, ну пожалуйста! Разрешишь?

– Посмотрим, – рассмеялся он. – Я вас всех возьму с собой, если будете сегодня хорошо учиться. Смотрите мне, спрошу у синьора!

Когда урок заканчивается и дети бегут вниз на занятия музыкой, зажав инструменты под мышкой, учитель античной истории собирает графитные доски и грифели. От усталости он едва волочит ноги и мечтает лишь о тарелке бобов с хлебом, которую ему дадут на кухне, а потом – пора к себе, в тесную каморку. Скорее бы покончить с работой и вернуться к своим изысканиям... Дойдя до парты Лукреции, он застывает на месте. Берет ее рисунок двумя пальцами и рассматривает: на бумаге не греческие прописи, а задание по художественной перспективе – и надо же, какие безупречные линии, все принципы соблюдены! Даже Авлида есть: застыв-

шие корабли, неподвижное море, вот Агамемнон ждет у предательского алтаря, а бедная Ифигения идет ему навстречу.

Пораженный, учитель задирает голову, оглядывает комнату – наверное, его разыгрывают? Да как маленькая тихоня, которую он едва замечает, сумела такое? Безумие, конечно, но кто еще мог это нарисовать? Учитель хочет разозлиться – девчонке надо было слушать урок, а не малевать! – однако ее рисунок так зачаровывает, так интригует, что всякое недовольство исчезает без следа.

Учитель сворачивает лист, сует в карман камзола и до конца дня забывает о необычном происшествии. А когда приходит время ложиться в постель, рисунок выпадает на пол, и учитель опять внимательно рассматривает его у огонька свечи. Таинственный, безветренный мир Авлиды вновь оживает перед глазами.

На следующий день учитель античной истории сталкивается с учителем рисования – немного женоподобным юношей, любителем бархатных шляп, учеником Джорджо Вазари, придворного художника.

– Я хочу вам показать одну вещицу, – сообщает учитель античной истории, достав рисунок Лукреции из кожаной папки. – Что скажете?

Учитель рисования с улыбкой останавливается: в глубине души ему нравится коллега, истовый слуга науки в блестящих очках. Ловко смахнув с лица кисточку берета, учитель рисования изящным жестом принимает листок, по-прежне-

му обворожительно улыбаясь. Картинка его не слишком интересует: он гадает, пригласить ли историка на вечернюю прогулку. Пусть оставит свои пыльные книги и пройдет с ним по узким улочкам города! Светло-зеленые глаза учителя рисования пробегают по бумаге, а сам он мысленно подбирает слова. Вдруг приглашение вылетает у него из головы. Взгляд скользит от горизонта к алтарю, от алтаря к облачению, задерживается на силуэте девушки – как точно передана ее легкая поступь, и какая угроза таится в мощной фигуре мужчины у алтаря! Линии дороги постепенно сужаются, ракурс и пропорции корабля создают передний и задний планы.

– Кто это нарисовал? – Учитель рисования переворачивает лист, но подписи на обороте нет. – Мария? *Il principe*¹⁶ Франческо?

Учитель античной истории качает головой.

– Лукреция.

– Маленькая девочка с задней парты? – удивляется учитель рисования, не сразу ее припомнив.

– Она, – мрачно кивает собеседник. – Мне показалось, вам следует это знать.

И уходит прочь по коридору, прижимая к груди книги и карты. Учитель рисования провожает коллегу глазами – снова он упустил случай его пригласить.

Рисунок притягивает взгляд. Слишком много в нем жиз-

---

¹⁶ Принц (*ит.*).

ни, неприкрытого чувства. Невероятно!.. Слуги и стражи обходят учителя рисования, а он гадает, как поступить с маленькой художницей и ее работой.

Дети навсегда запомнят ночной визит в *Sala dei Leoni*, каждый по-своему. Франческо будет вспоминать, как солдаты у всех ворот крепко сжимали оружие и отдавали честь его отцу. Мария вновь и вновь будет перебирать в памяти, как били струи из фонтанов – оказывается, пасть дельфина даже ночью извергала воду. В памяти Джованни отложилось, как гримасничала Изабелла, передразнивая торжественные лица с портретов: и сварливого вида предка в треуголке, и самодовольную женщину с ниткой бус, и высокомерного мужчину, у ног которого сидела до нелепости маленькая собачонка, и пару бескровных детей с глобусом за спиной. Изабелла с точностью изобразила их всех, насмешливо сверкая глазами.

Чтобы не отстать, Лукреция вцепилась в отцовскую мантию и жадно оглядывала палаццо. Широкие каменные лестницы, перила на стенах, вереница комнат, потолки, расписанные звездами или золотыми лилиями, резные арки с фамильным гербом, слуги, с почтительным поклоном расступавшиеся перед герцогом и его детьми, тяжелые двери, которые отец отворил, прежде чем войти.

Сколько всего было в палаццо, смотреть не насмотреться! И как уверенно отец шел по своим владениям!

Козимо остановился у прохода, едва заметного меж двух

других, и ждал, пока слуга торопливо не метнулся отпереть дверь. Они спускались по узкой лестнице, все глубже и глубже под землю. В самом низу была еще одна дверь, с крепкими коваными петлями. Отец вынул из сапога тонкое лезвие и постучал по двери рукояткой.

Все замерли в ожидании. Изабелла шмыгнула к Марии, а Джованни стиснул пальцы сестры. Побледневший Франческо глядел на отца, будто искал в его лице подсказку, как себя вести.

Дверь открылась, и в нос ударил смрадный дух нечистот и гниющего мяса. Животные – интересно, сколько их было? – выли, визжали и заходились лаем, и, конечно, Лукреция не могла ни понять их языка, ни осмыслить их слов.

Первой стояла клетка с двумя обезьянами. Приматы обнимали друг друга длинными руками и с любопытством глядели на гостей в ночных рубашках, шальях и домашних туфлях. На каменном полу следующей клетки растянулся серебристый волк, словно надеялся сойти за ковер; у стены сгорбился, опустив морду к полу, закованный медведь. Чуть поодаль стоял большой аквариум, но ничто не тревожило водной глади: какое бы существо там ни обитало, той ночью оно затаилось.

Отец подошел к вольеру в конце ряда. Невероятное зрелище предстало перед глазами детей: лев и львица обхаживали друг друга, и на каждом четвертом шаге, подсчитала Лукреция, лев склонял голову набок и издавал протяжный

звук, похожий на вой. Золотисто-карие глаза львицы задержались на гостях, но она отвернулась.

Лукреция покосилась на отца. Выходит, вот она, его любимица? Ее он кормит мясом с железного наконечника?

Козимо следил глазами за движениями львицы и щелкнул языком. Уши зверя дернулись, но она не подошла к решетке.

– Хм-м, – протянул отец. – Мы сегодня не в духе.

– А почему, папа? – спросила Мария.

– Чуют тигра. Знают, что он здесь.

Наконец, Козимо пошел дальше. Вот он, долгожданный миг! После клетки львов стояла еще одна – совсем пустая; интересно, что случилось с ее обитателями?.. Отец остановился.

Последний вольер в ряду упирался в стену. Они достигли края здания. Снаружи была улица, потом еще одна и еще, а дальше вилась охряная лента реки.

Вольер защищали крепкие железные прутья. Факел на стене отбрасывал треугольный луч света на половину клетки, но не рассеивал темноту в глубине. Кусок мяса с мраморным узором жира лежал на полу нетронутый. Кроме него, ничто не говорило о присутствии тигрицы.

Лукреция не сводила с клетки взора. Всмотривалась во тьму в надежде увидеть проблеск оранжевого, заметить блеск тигриных глаз, малейшее движение или знак, что зверь рядом. Напрасно.

– Папа? – нарушила молчание Изабелла. – А тигр точно

здесь?

– Да, – ответил отец, вытянув шею. – Где-то тут.

И снова тишина. Лукреция прижала руки к груди. «Прошу, – взывала она к животному, которое провезли по городу в деревянном ящике. – Прошу, покажись! Я больше не смогу прийти. Пожалуйста, покажись!»

– Может, спит? – неуверенно предположил Джованни.

– Может, – ответил отец.

– Просыпайся! – крикнула Изабелла, подпрыгивая. – Просыпайся! Ну же, киса, вылезай!

Козимо улыбнулся и погладил дочь по голове.

– Киса у нас лентяйка! – наконец сказал он. – Даже не вышла с вами познакомиться.

– Папуля, – Изабелла взяла его за руку, – а можно еще раз посмотреть львов? Мне они больше всех нравятся.

– Конечно, – обрадовался отец. – Прекрасная мысль! Они куда интереснее засони-тигра! Идемте.

Он повел детей по коридору, а слуга с факелом следовал за ним.

Лукреция незаметно отстала от слуги, а потом и вовсе за-таилась, скрытая пеленой тьмы. Развернулась и тихо пошла назад, назад, назад – до самой клетки с тигрицей.

И там села на корточки, притихла. Угол освещал только факел на стене. Родные торопились ко львам, которые до сих пор бродили друг за другом по вольеру. Изабелла спрашивала высоким голоском, будут ли у львов детки, и можно ли

подарить одного ей, она мечтает о собственном львенке! «И я, и я! – вторили ей Джованни с Марией. – Папа, пожалуйста!»

Густая тьма в конце комнаты пульсировала и гудела. Лукреция вглядывалась в нее, силясь вообразить сидящее там животное. Каково это, когда тебя похищают из далекой-далекой страны, привозят на корабле в Тоскану и запирают в каменной темнице?

«Прошу!» – молила она так горячо, как никогда не молила на церковной скамье.

От жирного мяса исходил едкий железистый запах. Почему тигрица не съела угощение? Не захотела? Слишком ей было грустно? Боялась львов?

В бездонном мраке Лукреция высматривала движение, цвет, что угодно, но либо зрение ее подводило, либо она смотрела не в ту сторону: когда что-то мелькнуло у каменной стены и Лукреция обернулась, тигрица уже приближалась к ней.

Поступь ее напоминала капающий мед. Она явилась из полумрака клетки, как повелительница джунглей, и грязная глинистая земля Флоренции покорялась ее мощным лапам. О нет, то была не «киса»! Кипящая лава, бушующее пламя, сноп ярких искр – и поразительная симметрия зловещих черт. Лукреция в жизни не видела ничего столь красивого. Огненные спина и бока, светлый живот. Отметины на ее мехе оказались отнюдь не полосками – это простое слово со-

всем не подходило. Нет, это было дерзкое, черное кружево – и украшение, и маскировка, сама ее суть, ее спасение.

Шаг за шагом тигрица приближалась, высвеченная треугольником света. Взгляд ее не отрывался от Лукреции. Девочка подумала, что зверь пройдет мимо, как до того львица. Однако тигрица ее запомнила, подошла именно к ней. Им многое предстояло сказать друг другу. Лукреция это знала, и тигрица тоже.

Лукреция опустила на колени рядом со зверем, любуясь черными полосками на янтаре меха. Будто резьба! Тело тигрицы вздымалось от дыхания, линия туловища плавно сужалась к животу, изящные лапы были чуть расставлены, сильные мышцы напряжены. Тигрица подняла глянцевиый нос и принюхалась: похоже, оценивала обстановку. От зверя исходили волны одиночества и печали, ужас похищения и бесконечно долгих недель в море. Лукреция как наяву ощущала жгучие удары плеткой, острую тоску по густым туманным джунглям, заманчивым тоннелям среди зарослей, где тигрица была единовластной королевой, а еще – горечь заточения. «Неужто нет надежды? – безмолвно спрашивала тигрица. – Я здесь навсегда? Уже не вернусь домой?»

Глаза Лукреции наполнились слезами. Остаться одной в таком месте! Нечестно, жестоко! Она попросит папу отослать тигрицу обратно. Пусть посадят ее на корабль и отвезут туда, откуда взяли, откроют клетку – и зверь скроется среди поросших мхом деревьев.

Затаив дыхание, Лукреция просунула ладонь между прутьями и потянулась изо всех сил, чуть не вывихнув плечо и прислонившись лицом к решетке.

Шерсть тигрицы была теплой и бархатистой. Лукреция мягко провела пальцами по спине зверя, почувствовала дрожь мышц, изгиб бусин-позвонков. На ощупь мех оказался гладким полотном; Лукреция думала, что черные полосы напоминают нашивки на рыжем меху, но нет: участки разных цветов плавно переходили из одного в другой.

Тигрица подняла морду – или скорее лицо, подвижное и многогранное – и принялась изучать девочку, сиюсья понять смысл ее прикосновения. Глаза зверя горели величию древнего божества.

Они с тигрицей долго рассматривали друг друга. Лукреция не отнимала пальцев от спины животного, окружающий мир для нее исчез. Ее жизнь, имя, семья и все вокруг померкло, растворилось в пустоте. Она лишь ощущала, как бились их с тигрицей сердца, как наполнялись алой кровью, вновь выталкивали ее и насыщали артерии. Затаив дыхание, Лукреция не моргала и не опускала глаз.

И вдруг – вопль!

– Папа, папа! – звала Мария. – Смотри!

Реальность волной нахлынула на Лукрецию: призрачно-бледная Мария грозила ей пальцем, топтали ноги, звучали крики; ее схватили со спины и уволокли, оторвав от тигрицы. Отец раздавал приказы, кто-то из детей голосил, а сама

она кричала:

– Нет, нет, отпустите!

Солдат отца нес ее по коридору, а Мария бежала рядом и совестила Лукрецию: дурочка, ты ведь и погибнуть могла, говорила же я вам, она слишком маленькая, а что скажет мама... Запястье Лукреции пульсировало болью, а с руки будто сняли перчатки – кожа еще помнила теплый мех и гладкие полосы.

О родных она не думала, не знала даже, где они: рядом с ней, впереди, за спиной или до сих пор у клетки со львами... Понимала только одно: ее утащили от того, что ей желаннее всего на свете, и с каждым шагом она все дальше от своей мечты. Она плакала навзрыд, умоляла отпустить ее, но никто не обращал внимания. Лукреция обернулась через плечо солдата и не отрывала глаз от клетки, пока та не растворилась вдалеке, однако перед этим (о, Лукреция могла поклясться!) тигрица напоследок посмотрела ей вслед и исчезла в темноте, сердито взмахнув полосатым хвостом.

Оленина в вине

Fortezza, недалеко от Бондено, 1561 год

– А завтра предлагаю покататься у реки. – Муж наклоняет к себе тарелку и вычерпывает остатки супа. – Ближе к западу открываются чудесные виды. Я распоряджусь, чтобы вам подогнали седло – по-моему, оно заваливается налево. Боюсь, когда вернемся, надо будет проверить копыта у вашей лошадки, и...

Лукреция внимательно смотрит мужу в лицо. Его слова теряют всякий смысл, покауда не превращаются в бессвязный лепет, бурчание неведомого зверя. Зачем он все это говорит? Как он может спокойно есть, рассказывать о конюхах и сбруях, когда в голове у него зреет план убийства?

И снова Лукреция вспоминает хриплый шепот его сестры Элизабетты: «Ты понятия не имеешь, на что он способен».

Хотя в большом камине гудит огонь, а в комнате надышала и она, и муж, и притихшие слуги, воздух холоден, как сталь. Непривычно морозная зима никак не кончается. Даже слабые огоньки в красивых латунных подсвечниках дрожат, и в зале царит полутьма. Лицо Альфонсо то расплывается, то опять становится четким. Его выражение меняется при каждом колебании свечи. Лукреция следит как за замороженная: вот он задумчив, вот добр, сердит, оживлен, строг, красив, игрив и, наконец, – отстранен. Верно, она понятия не имеет,

на что он способен, и выяснять не хочет.

Ее подозрение столь смешно и нелепо, что в груди булькает пузырек тайного веселья. Если не держать себя в руках, то попросту расхохочешься: в какую несуразную историю она попала! А муж сидит рядом, разглагольствует, притворяется спокойным!

Муж, замысливший ее убить – самолично или чужими руками, – стирает салфеткой каплю супа со щеки, будто это невесть какое дело. Муж, желающий ей смерти, отбрасывает непослушную прядку со лба и заправляет за ухо. Муж-убийца бросает слугам через плечо, что повар недосолил суп. Будто им сейчас до приправ! Муж, который вскоре лишит ее жизни, тянется к ней, хочет согреть ее пальцы. Тут она спохватывается. Вернувшись к реальности, она отдергивает руку, берет ложку и набирает супа.

Скукожившись, пузырек в груди сгорает и перерождается в слепую ярость. Как Альфонсо смеет?!

Она поднимает ложку ко рту, а рука дрожит от напряжения. Нельзя выдать ему своих мыслей, нельзя... Здесь главное не выдать себя. На поверхности супа блестят масляные кружочки. Лукреция вглядывается в них. Если только она увидит лицо мужа, аккуратный пробор и белые зубы, гнев ее перельется через край, и она закричит, ударит его или убежит из комнаты.

Она не даст ему себя убить, уничтожить. Только как может шестнадцатилетняя девушка, хрупкая для своих лет, и

вдобавок без друзей и союзников в этом страшном месте, одержать верх над солдатом, герцогом, взрослым двадцатисемилетним мужчиной? Ее братья ходили на уроки боевого мастерства: часами учились драться на мечах, дротиках и копьях, тренировались душить неприятеля веревками, бить палицами, колоть и резать кинжалами, отражать удары, делать выпады и калечить, блокировать атаку одной рукой, а другой отвечать противнику, уворачиваться, высвободиться из хватки врага, убивать и выживать. Всему этому их обучали, как в свое время Альфонсо, а они с Изабеллой и Марией томились наверху, вышивая цветы шелковыми нитями.

«Тебе нужен план, – звучит в ушах шепот старой няньки Софии. – Выдашь себя – проиграешь».

План. Стратегия. София все продумывает наперед. Лукреция частенько говорила ей: родись она мужчиной, из нее вышел бы прекрасный *condottiero*¹⁷.

«Так тому и быть, – отвечает Лукреция невидимой Софии. – Так тому и быть».

Она медленно выдыхает через нос. Выдавливает улыбку, поднимает ложку и прихлебывает суп.

За три года до свадьбы план у Лукреции и вправду был. Она пошла в кабинет отца («И погляди, чем кончилось», – сказала бы она Софии, будь та в комнате. Впрочем, за такое нахальство нянька могла и надрать ей уши). Решительно пе-

---

¹⁷ Военачальник (*ит.*).

реступила через заветный порог, сжав руки и подняв подбородок. Она все продумала.

Секретари и писари отца изумленно на нее взглянули и вновь усердно принялись за бумаги. За окном пустым листом пергамента белело небо. С пьядцы несколькими этажами ниже долетали обрывки звуков: чуткий слух Лукреции уловил непристойную песенку, надрывный плач уставшего ребенка и отголоски звонкого девичьего смеха.

– Папа!

Он стоял у кафедры и что-то читал, быстро водя пальцем по бумаге.

– Папа!

Он не обратил внимания. Вителли заглядывал в документ через плечо отца и только выставил ладонь, прося помолчать.

Но ждать было некогда. Брачный договор в любую минуту могли закончить, скрепить печатью и выслать в Феррару. Еще немного, и станет слишком поздно.

– Папенька, – вновь позвала она, подражая Изабелле, и попыталась вспомнить хорошо отрепетированные слова. – Я не хочу выходить за него замуж. Сожалею, если вас это огорчает, но...

Не отрывая пальца от строчки, отец что-то прошептал секретарю и только потом повернулся к ней.

– Милая! – Он вышел из-за стола, странно поглядывая на Лукрецию, будто самому себе не веря: она еще ни разу не

появлялась у него кабинете. Правый глаз отца косил больше обычного: он либо устал, либо рассердился. Увы, наверняка узнать нельзя.

– Подойди. – Отец поманил ее пальцем. – Сюда, давай же.

Она послушалась. Интересно, он обнимет ее или обругает? Один глаз неотрывно смотрел на нее, а другой блуждал по комнате, словно отец умел думать о нескольких вещах одновременно.

Он положил руки ей на плечи, закрыв складками мантии.

– Лукре... – Отец наклонился к ее лицу, и они оказались словно в маленьком шатре. – Я понимаю. Замужество для девушки серьезный шаг. Очень страшно, правда? Вижу по тебе, что страшно. Не тревожься! Мама тебя ко всему подготовит. А я? Я нашел тебе лучшую партию. Да разве я мог отдать родную дочь дурному человеку?

Он легонько потрепал ее по щеке, и на мгновение его глаза сошлись в одной точке.

– Ты ведь доверяешь папе, правда?

Лукреция кивнула.

– Конечно, дов...

– Разве я о тебе не заботился?

– Заботился, но...

– Ну вот! Волноваться не о чем. Альфонсо – прекрасный мужчина. Однажды станет герцогом, а как образован! К тому же...

– Он такой старый! – выпалила Лукреция. – А еще...

– Ему и тридцати нет. По-твоему, это старость? Кто же тогда я? – Отец отодвинулся от нее в притворной обиде. – Мне пора в гроб ложиться? – пошутил он, на что помощники и советники услужливо рассмеялись.

Впрочем, Лукрецию не обманул отцовский тон: взгляд его оставался пристальным и серьезным.

– Ни о чем не беспокойся. – Отец повел ее к двери. – Не сомневаюсь, брак будет необыкновенно удачный. Посмотри на нас с мамой. Сама знаешь, мы едва познакомились, как...

Лукреция прервала отца:

– А нельзя женить его на моей кузине? – разом выдала она план, который сочинила тем утром в спальне.

Козимо замер: он только теперь понял, как твердо и упорно противится дочь.

– На кузине? – с недоумением повторил он. С тем же успехом она могла сказать «на моей собаке».

– Скажем, что я болею, или от природы слаба здоровьем. Или... да что угодно! Дианора вполне взрослая и очень красива. Уверена, она сразу понравится Альфонсо и его отцу. Нельзя ли предложить ее в кач...

– Дианора, – чеканил каждый слог отец, – выходит за твоего брата Пьетро.

– Пьетро? – поразила Лукреция. Такая замечательная девушка и Пьетро – взбалмошный мальчишка? Немыслимо! – А если...

– Все уже решено, – отрезал Козимо. Он отвернулся от

нее и взглядом подавал какой-то знак своему человеку – Лукреция не видела, кому именно.

– Тогда, может... – Путь к спасению сужался, заветная дверь на свободу с хлопком запиралась на ключ. Что же придумать, что предложить взамен? Как поступила бы София? Что подсказала бы? Если Дианора и вправду обручена с Пьетро, то...

– Взгляни на сестру. – Отец настойчиво похлопал ее по руке. – Изабелла тоже боялась перед свадьбой, помнишь? А теперь расцвела!

– Наверное, – неохотно ответила Лукреция. На самом деле Изабелла ничуть не боялась, а брак почти не изменил хода ее жизни: ей разрешили жить во Флоренции, а муж вернулся к себе в Рим, и виделись они всего несколько раз в год. Тогда как ее, Лукрецию, отправляли к незнакомому мужчине в Феррару, на чужбину. Однако Козимо, как и большинство взрослых, кроил по своей мерке, а потому спорить было бессмысленно.

– Я ведь нашел ей доброго мужа, она счастлива?

– Да, только...

– И у тебя все будет хорошо. Обещаю. – Герцог улыбнулся и довольно кивнул, словно решил вопрос. – Я долго переписывался с отцом Альфонсо, мы оба уверены, что ваш союз будет прекрасен. Вот пройдет время – вспомнишь этот разговор и...

– Папа... – Голос Лукреции надломился, предательские

слезы подступили к глазам. – Я не хочу за него замуж. Прошу, не отдавай меня.

Ее горячность и просьба оттолкнули присутствующих, как волна ядовитых паров. Отец развернулся на каблуках и встал за кафедру, Вителли последовал за ним как тень, а секретари с облегчением засеменили к письменным столам.

– Сил моих больше нет, – пробурчал отец или в сторону Вителли, или дочери, или вообще всем в комнате. Лукреция потом гадала, предназначались ли следующие слова для ее ушей. – Всегда в ней было нечто странное, не подходит она для семейной жизни! Как бы они не пожалели и не вернули ее обратно в первый же месяц.

Альфонсо хочет, чтобы она хорошенько отужинала, но мысль о скорой смерти портит аппетит. Однако муж настаивает на кусочке оленины в красном вине, а затем еще на одном и еще. Лукреция якобы очень похудела после недавней болезни, ей нужно набраться сил, а мясной сок полезен для кровообращения. Она съедает кусочка два, остальное мелко режет и понемногу выбрасывает в салфетку на коленях. Муж отрывает ломоть хлеба, аккуратно убирает корочку, окунает в соус и подносит капающий мякиш к ее рту. Она решает не говорить, что у нее все внутри переворачивается от мокрого куска мяса в волокнах мышц и белого жира, от лужиц чего-то красного – то ли вина, то ли крови. Поэтому съедает размякший хлеб с рук мужа и через силу проглатывает.

Альфонсо рассказывает, как еще мальчиком ездил на охоту с отцом, «лет в восемь или девять», и увидел на поляне кабана. Альфонсо согнул лук, но стрелу выпустить не решился.

– Это была самка, – объясняет он, – а с ней три кабаненка, бледно-коричневых, с полосками на спине. Не слишком похожие на мать. Я знал, что нужно выстрелить, иначе отец разозлится, но не мог. Просто сидел на лошади и смотрел, пока они не исчезли в зарослях.

– Ваш отец разозлился?

Неверный отблеск огня освещает подбородок Альфонсо. Муж то ли улыбается, то ли кривится – сложно понять точно.

– Велел меня выпороть. Я не мог сидеть три дня. Он хотел преподать мне урок: там, где требуется решимость, не место сантиментам.

Лукреция раздумывает над советом почившего свекра: вот как, решимость и сантименты. «Разве они не могут быть связаны? – хочет спросить она. – Разве решимость не бывает продиктована чувствами? Разве сердцу нет места в подобных вопросах?» Отпив глоток вина, она представляет мужа мальчиком на залитой солнцем поляне; он заворуженно смотрит, как кабаниха ищет трюфели, а за ней перебирают копытцами три кабаненка. Затем воображает, как Альфонсо порют на глазах у отца.

– Мой отец, – неожиданно для себя начинает Лукреция, – держит в палаццо экзотических животных. У него в подвале зверинец.

– А! Да, я слышал. Вы видели, как они дерутся?

– Нет. Он никогда... Это зрелище он приберегал для гостей. Еще, может, для моих братьев, не знаю. Когда я была маленькой, он разрешил старшим детям посмотреть зверинец и мне заодно. Я радовалась, что меня тоже позвали, сочли достаточно взрослой – моих младших братьев оставили в детской. Понимаете, там была тигрица, и я...

Луcreция умолкает: и так наговорила лишнего. А главное, зачем? Она никогда не рассказывает о тигрице, ни с кем ее не обсуждала и обсуждать не будет.

Альфонсо, наклонившись к свету, с интересом изучает жену. Его внимательный взгляд скользит по ее чертам, ищет ответы. «Что все это значит? – думает Альфонсо. – Она так уверенно говорит... История о тигре, да, но что она пытается мне сказать? Почему замешкалась? Что скрывает?»

Она может поведать ему все. И о пыгливом прикосновении к пламенному меху, и о том, как ушибла запястье о решетку, когда ее оттаскивали. Описать смрад зверинца, цепь на медвежьих лапах. Поведать, как через несколько недель после *Sala dei Leoni* она решилась подойти к отцу во время урока музыки, куда он порой заглядывал, если выпадала свободная минутка, и спросила, можно ли еще раз посмотреть на тигрицу, и жестокий ответ отца пронзил ее сердце, как кинжал.

– Увы, – сказал Козимо с явным безразличием, – тигра убили.

– Убили?.. – повторила Лукреция, будто не поняла это слово, взятое из языка, ей пока не ведомого. Да разве может подобное существо умереть, исчезнуть, ведь оно – само воплощение жизни? Немыслимо!

– Лев с львицей, – объяснил Козимо, – напали на тигра. Нерадивый слуга забыл запереть двери между вольерами.

– Тигр сражался до последнего, – прибавил отец, перевернув страницу партитуры. – Здорово поранил львов. Боролся за свою жизнь, но львы были сильнее. Слуги не смогли их разнять. – Он раздраженно повел плечом. – А главное, шкура у него была вся разодрана, даже не получилось снять твоей маме на шубу. Она очень расстроилась.

Лукреция могла признаться Альфонсо, что в тот же вечер заболела. Придворный лекарь сделал ей кровопускание, поставил на грудь припарку, выписал успокоительное и настойку валерианы. Он определил у нее нервную лихорадку и отправил в карантин на нижнем этаже.

– Увы, – добавил лекарь, – нельзя сказать наверняка, выживет ли она.

Несколько недель Лукреция провела в спальне на нижнем этаже и видела только лекаря и служанку, которая давала ей суп и меняла постельное белье. Лукреция пошла на поправку, лишь когда мама заглянула ее проведать. Девочка выплыла из беспокойного сна и увидела на кровати Элеонору, закрывшую лицо шарфом, чтобы не вдохнуть ненароком заразу. Лукреция удивленно смотрела, как мать разворачи-

вает крошечные предметы, обернутые бумагой и перетянутые бечевкой. Внутри оказались разноцветные стеклянные *animaletti*¹⁸. Элеонора разложила на простыне голубую лисицу, желтого медведя, рыбу с золотистым хвостиком-веером – она заказала зверюшек из города, знаменитого своим стеклом, чтобы порадовать дочку. А еще добавила: учитель рисования видел рисунок Лукреции и дал посмотреть своему наставнику, придворному художнику синьору Вазари. А тот, в свою очередь, сообщил о нем Элеоноре. Синьор Вазари порекомендовал Лукреции заниматься живописью. Глаза Элеоноры блестели отчаянной надеждой над маской из платка.

– Хочешь рисовать, Лукреция? – спросила Элеонора, покачивая стеклянного мишку, будто он танцует.

Лукреция не понимала, о каком рисовании речь, и вообще смысл маминых слов от нее ускользал, однако же она выдала: «Да, мама, спасибо», потому что знала, как порадует мать такой ответ.

– Тогда надо выздоравливать, правда? – манила Элеонора. – И сможешь учиться со всеми.

Лукреция вернулась в детскую и классную комнату еще более притихшей и худой, чем прежде. Она часами расставляла и переставляла *animaletti* на подоконнике детской. Ей разрешили рисовать с остальными детьми, и через несколько недель учитель начал оставаться с ней после занятий, давать частные уроки. Он не обучал ее, а скорее рисовал с ней

---

¹⁸ Зверюшки (*um.*).

вместе и время от времени говорил: «Вот так, видишь?», «Лошадь или бабочка разве так выглядят?», «Подумай еще», «Посмотри внимательнее», «Вглядиись», «А теперь похоже на это или на то?»

Она больше никогда не заходила в *Sala dei Leoni*.

Она могла рассказать все это Альфонсо и пустить его в потаенные уголки своего сердца. И потому промолчала. Туда хода нет. Она утаит, что без уроков рисования, которые длились до самой свадьбы, ей не удалось бы выздороветь и вообще выжить – она камнем упала бы на дно незримых вод. Эти слова она бережно сохранит в глубине души, где никто их не найдет и не станет рассматривать под увеличительным стеклом.

И вот, когда Альфонсо спрашивает, что же стало с тигрицей, Лукреция сухо улыбается и отвечает:

– Не знаю. Наверное, отец ее продал. Мама не выносит зверинца – всегда жалуется на запах и шум.

Взгляд Альфонсо на мгновение задерживается на ней, затем муж берет ее за руку.

– Вы замерзли, дорогая. Возьмите еще оленины, согрейтесь.

Семь галей¹⁹ с золотом

Палаццо, Флоренция, 1550-е

В детстве Лукреция имела чудную привычку постоянно спрашивать родителей, как они познакомились. Она уговаривала Элеонору, потом Козимо, затем опять Элеонору, пока мама с папой не сдавались под ее натиском. На самом деле супругам нравилось пересказывать этот эпизод: им было приятно, что их сложный пятый ребенок так увлечен романтикой – они видели в том проявление женской чувствительности, которой дочери временами не хватало. Однако Лукрецию интересовали отнюдь не романтика и нежности. Она снова и снова слушала, как родители впервые увиделись, потому что пыталась понять этих загадочных, ярких людей, благодаря которым появилась на свет и на которых была столь не похожа. Она слушала версию Козимо, затем сравнивала с версией Элеоноры, потом вымаливала у Козимо продолжение и сопоставляла сходства и отличия. Она пыталась разобраться, в чем суть брака, что включает в себе союз мужчины и женщины.

В бессонные ночи или во время причастия она перебирала в уме обрывки и фрагменты родительской истории, словно азартный игрок – жетоны; взвешивала их, пыталась упо-

---

¹⁹ Галей – небольшое парусное судно, предназначенное для плавания в средиземноморских условиях.

рядочить. Пока братишки сопели во сне или родители вторили священнику на латыни, она представляла отца: вот он, пятнадцатилетний юноша, всего лишь паж, гость при дворе неаполитанского вице-короля, сквозь тонкую завесу видит младшую дочь хозяина – тринадцатилетнюю Элеонору. Лукреция воображала комнату с колоннами и тяжелые портьеры по обе стороны резного камина. Элеонора, наверное, носила блестящую длинную косу, а подбородок поднимала чуть выше, чем позволяли приличия. Взгляд ее скользил по потолку не мечтательно, а беспокойно. Лукреция так хорошо знала подробности этой давней истории, что они стали походить на потрепанные временем самоцветы: их уголки стерлись, а прежний блеск потускнел.

Конечно, необычная красота Элеоноры заинтриговала отца, а платье в испанском стиле и украшения в косе придавали ей особое очарование. Козимо вернулся во Флоренцию и два года лелеял образ юной испанки в сердце, а когда получил титул великого герцога Тосканы и возглавил династию, попросил полюбившуюся девушку в жены. Нет, какую бы политическую выгоду ни сулил брак с принцессой голландской или дочерьми соседних правителей, ему нужна была красавица из Неаполя, и больше никто! Вице-король обдумал его просьбу и предложил старшую дочь, но напрасно: Козимо от нее отказался. Он хотел жениться только по любви, а любил он Элеонору. В конце концов вице-король согласился, и мо-

лодых людей поженили по доверенности²⁰. Элеонора начала учить тосканский диалект, чтобы самой переписываться с мужем, а не просить переводчика расшифровать его послания.

И вот через четыре года после первой встречи Элеонора отплыла из Неаполя в сопровождении пяти служанок, старой няньки Софии, а также семи галей приданого: золота, столового серебра, шелков, парчи, бус из драгоценных камней, масел. Папа любил рассказывать, как ему не терпелось получить весточку от Элеоноры, как он не спал ночами в ожидании глашатая, как молился о попутном ветре. Когда корабль прибыл в Ливорно, отец покинул Флоренцию и отправился за невестой. Придворные советники не одобряли его пыла: где это видано, чтобы мужчина сам ехал к женщине! Элеонора должна знать, кто в семье главный, а Козимо следует ожидать ее в палаццо. Однако герцог не слушал. Он встретил возлюбленную в Ливорно и привез домой, как желанную награду. А когда они вошли в город, жители высыпали на улицы посмотреть на новую экзотическую герцогиню.

До свадьбы Лукреция лишь однажды виделась с будущим мужем; в то время он был помолвлен с ее сестрой Марией.

Они шли мимо Лукреции по самой высокой зубчатой стене у колокольни. Сестра взволнованно щебетала, а ее жених,

---

²⁰ Свадьба по доверенности – бракосочетание, при котором вместо жениха и невесты присутствуют их представители.

чуть наклонившись, слушал. Десятилетняя Лукреция, еще по-детски худенькая, держала в ладони ручного мышонка. Жених отвернулся от Марии, от ее красных щек и дрожащего подбородка, и обратил взгляд на Лукрецию, потом на зверушку, затем опять на лицо девочки и криво усмехнулся. Мария одной рукой вцепилась в зеленый бархатный рукав спутника, а другую положила ему на плечо – словно боялась, что убежит. Когда они поравнялись с Лукрецией, она вся вжалась в каменную стену, а мышонка прижала к груди. Жених Марии – будущий герцог, потомок старинного семейства, берущего начало со времен Римской империи, как неоднократно упоминал папа, – замедлил шаг и спросил:

– Что за девочка?

Мария мельком глянула на Лукрецию.

– Моя сестра, – бросила она.

Парочка обошла Лукрецию и направилась мимо колонн к противоположной стороне башни, откуда, по словам Марии, было видно купол.

А по пути жених Марии – юноша, чьи потомки защищали самого императора! – провел пальцем по щеке Лукреции, а затем быстро – столь быстро, что она потом так и не поняла, показалось ей или нет – сморщил нос, как мышка! Будто учуял вкусненькое: сыр или хлебную крошку.

Лукреция рассмеялась. Надо же, всеми почитаемый человек корчит рожицы, и до чего похоже! Откуда он так хорошо знает, как выглядят мыши? И ведь проделал свой фокус тай-

ком от Марии, только для нее одной! Довольная Лукреция посмотрела вслед сестре и ее будущему мужу.

Конец ужина

Fotrezza, недалеко от Бондено, 1561 год

– Вы озябли, любовь моя.

Лукреция качает головой и, как нарочно, вздрагивает от холода. Наклонившись поближе, Альфонсо внимательно ее разглядывает; прядь волос падает ему на глаза, а на лице написано участие.

Вдруг муж встает, берет Лукрецию за руку и ведет к огню. Ее мышцы напрягаются под слоями юбок и промокшими чулками. Бежать немедленно!

Она шагает было к маленькому креслу, но муж усаживает ее себе на колени и обхватывает руками за талию. До чего странно... Он так проявляет заботу или хочет покончить с ней прямо здесь и сейчас?

Тяжело смотреть ему в глаза, но Лукреция перебарывает себя. Альфонсо отвечает ей ласковой улыбкой. Да, он красив. Все так считают. Он крепко сложен, широкоплеч, руки сильные. А вот рассмотреть как следует его лицо не получается в тусклом свете, да еще с такого близкого расстояния. Что читается во взгляде мужа – доброта или угроза? Она видит только отдельные черты: бровь, щеку, завиток уха.

Неужто она ошиблась, неправильно поняла произошедшее в *fortezza*? Вдруг Альфонсо и правда человек слова и привез ее сюда отдохнуть, для перемены обстановки? Воз-

можно, всему виной ее воображение (бурное, болезненное, как ей всегда твердили) либо причудливая игра разума, и Альфонсо вовсе не желает ей вреда?

Он не расцепляет рук, держит Лукрецию у себя на коленях, а она касается пальцами его ворота. В янтарно-желтых отблесках огня ей кажется, будто на Альфонсо та самая одежда с зелеными бархатными рукавами. Конечно, на самом деле он в дорожном костюме из камвольной шерсти.

Поддавшись порыву, Лукреция целует мужа в щеку. Губы колет щетина, отросшая за день в дороге. Альфонсо смотрит на жену с приятным удивлением.

– Зачем это?

– Чтобы... отблагодарить, – сочиняет она.

– За что?

– За то, что... привезли меня сюда. – Она лихорадочно ищет слова, способные его разжалобить, если он и впрямь задумал недоброе. – За заботу. За...

Он сжимает ее крепче, и косточки корсажа тихо скрипят.

– Не стоит благодарности. Впрочем, можете еще раз меня поцеловать.

Отвернувшись от света, он подставляет другую щеку. Замешкавшись, Лукреция чмокает мужа. Тогда он смотрит на нее и поднимает подбородок.

Она выдавливает улыбку. Наклоняется к нему. Его черты расплываются, и она закрывает глаза. Нет, Альфонсо не желает ей зла, ведь он попросил его поцеловать, и вот она ка-

сается его губами, а он в ответ давит на них своими, кладет ей на затылок свою большую ладонь – не делают так, если хотят... собираются... замышляют... Нет, невозможно, она ошиблась, наверняка он ее любит, и ценит, и уважает: нельзя ведь целовать с такой страстью, ласкать губами и кончиком языка, всю душу вкладывать в поцелуй, а самому думать об убийстве. Ведь нельзя же?..

Наверное, она заблуждалась. Утомилась после трудной дороги и недавней болезни. Дала волю воображению, а оно в очередной раз подвело. Благородный красавец-супруг желает ей только добра. Он ее любит. А как иначе? Он так долго ее целует. Ей очень повезло выйти за такого пылкого мужчину!

Он все целует ее и целует. А она позволяет. Обнимает за шею и пускает мысли в свободный полет. Температуры в разных частях комнаты не совпадают: левую щеку и руку Лукреции обдаёт жаром камина, а с правой стороны веет ледяными миазмами *fortezza*.

Альфонсо гладит рукава Лукреции. Потом вдруг отстраняется.

– Идемте. Я провожу вас в покои.

Лукреция встает и переходит к теме, которая волнует ее с самого отъезда из дома.

– Интересно, – начинает она беззаботным тоном, когда муж берет ее за руку и поднимает со стола свечу, – во сколько приедут мои служанки? Уже поздно, и...

– Завтра-послезавтра, полагаю, – отвечает он, не глядя на Лукрецию.

– Они выехали следом за нами, вы сами говорили...

– Не можете продержаться без помощниц? – поддразнивает он. – Ни одного дня?

Он открывает Лукреции дверь.

– Надеюсь, продержусь.

Она заходит в коридор, убеждая саму себя: «Он не замышляет ничего плохого. Он сказал, что любит!»

– Приедут, как только смогут. – Альфонсо берет Лукрецию под локоть и ведет по коридору; огонь свечи отбрасывает на его лицо дрожащий круг света. Лукреция едва поспевает за мужем. – Ночью на дорогах опасно. Вы же не хотите, чтобы ваши служанки попали в беду?

Он берет Лукрецию за подбородок большим и указательным пальцем и нежно поднимает ее лицо к свету. Говорит, как она красива, как загородный воздух уже идет ей на пользу.

– Скучаю по вашим волосам, – вздыхает он, пропуская сквозь пальцы ее короткую косу. – Но вам к лицу.

– Спасибо, – кивает Лукреция.

Альфонсо ведет ее по винтовой лестнице, скользкой и поросшей мхом. Лукреция опирается на его руку, чтобы не слетели туфли, чтобы не споткнуться о подол платья. Дорогу освещает лишь тусклый огонек свечи. Они поднимаются по лестничному пролету, идут по коридору, а затем опять по

ступенькам, только более узким. Лукреция запоминает дорогу, мысленно строит карту палаццо – так, на всякий случай. Налево по коридору, вверх по лестнице, прямо по низкому коридору, затем под аркой, потом...

– Пришли. – Альфонсо открывает ей тяжелую деревянную дверь. – Вот ваши покои. Я велел разжечь камин, так что скоро будет и тепло, и свежо. После вас, дорогая.

Все меняется

Палаццо, Флоренция, 1557 год

К тому времени, как четверо старших детей Козимо вступили во взрослую жизнь, их будущее было расписано. Родители, эмиссары, секретари и советники работали над этими планами с самого рождения герцогских наследников.

Марию собирались выдать за сына герцога Феррары. Изабеллу просватали за Паоло Джордано Орсини, римского дворянина. Франческо суждено было стать великим герцогом Флоренции. Джованни предназначался кардинальский сан.

Старшие братья и сестры друг за другом покидали детскую. Лукреции частенько было одиноко, а теперь она и вовсе осталась одна среди младшеньких. В честь помолвки Изабелле и Марии подарили отдельные покои. Когда Франческо и Джованни исполнилось по тринадцать, им выделили комнаты на втором этаже, к тому же Франческо каждый день занимался государственными делами с отцом.

Лукреции досталась низкая кровать, на которой раньше спала служанка, а постель побольше заняли младшие братья. В классной комнате Лукреция сидела на другом конце от Пьетро, Фердинандо и Гарциа, которые только учились цифрам и буквам. По вечерам она слушала, как София переговаривается с помощницами на родном диалекте: тянет гласные, ставит необычные ударения, придумывает свои словеч-

ки, смутно знакомые флорентийскому уху Лукреции. Все в палаццо знали, что София пускает в детскую только девушек из родной неаполитанской деревни. Из них якобы получаются лучшие няни и кормилицы, но Лукреция подозревала, что София хотела разговаривать с помощницами на тайном языке, незнакомом остальным обитателям палаццо.

Старшие братья и сестры лишь изредка появлялись в жизни Лукреции: то раздавались шаги в коридоре, то мелькало на лестнице цветное пятно, то из салона звучал смех Изабеллы, то сухо кашлял Франческо, сопровождая отца на приеме. Они больше не поднимались в детскую. Лукреция бродила по переходам и собирала обрывки новостей: для Марии готовили пышную свадьбу, украшали церковь Санта-Мария-Новелла веточками мирта, пригласили сотню флорентийских дам на танцы в парадной зале, а еще задумали театр масок и акробатов с Востока. Судя по разговорам, которые Лукреция подслушала за стенами маминой спальни, все это было мелочью в сравнении с роскошным платьем Марии. Его соткали из чистого золота и шелковой нити, взятой из инсектария²¹ Элеоноры. Она лично следила за работой. Когда Мария, красавица-невеста, пойдет к алтарю, золото платья будет оттенять ее фарфоровую кожу, а синий подчеркнет каштановый отлив волос. Никто на свете не носил еще такого наряда!

В тот судьбоносный день рокотал гром и шел дождь. Ливень не прекращался сутки напролет, капли отбивали стак-

---

²¹ Инсектарий – помещение для разведения и содержания насекомых.

като по крыше палатцо. Лукреция выглянула из окна детской: пята лоснилась от воды, мозаичные плиты переливались, подобно змеиной шкуре, желоба давились опавшими листьями. Река Арно вышла из берегов и покрылась илом. София несколько дней назад сказала, что Мария, обычно здоровая и крепкая, слегла в постель с воспалением легких. Воздух сегодня дурной, добавила нянька и принялась обмахиваться, будто ее ладонь могла прогнать зловонные миазмы.

Лукреция сидела в классной, перечерчивала карту Месопотамии и пририсовывала широким океанам гребни волн. Над поверхностью, извиваясь змеей, поднималось морское чудовище. Видна лишь его часть, а сколько еще таится под водой?.. Вдруг раздался шум, протяжный горестный вой, при звуке которого она подняла голову. Поначалу она списала его на собаку: может, поранилась, или ее побили; но вой перешел в однообразное причитание: «Нет, нет, нет, нет!»

Лукреция привстала, выронив штифт. Мама? Изабелла? Крик доносился с нижнего этажа, проникал сквозь стены и потолки.

И снова: «Нет, нет, нет, нет!» А потом рыдания.

Лукреция выбежала из комнаты и перегнулась через перила.

– Мама? – крикнула она.

В ответ – тишина. Хлопнула дверь. Стук стремительных шагов по коридору, шуршание мантии или платья.

– Изабелла! – позвала Лукреция. – Это ты?

Послышались тихие голоса, открылась дверь, и до Лукреции поднялись, подобно клубам дыма, судорожные всхлипывания, а среди них бормотал молитву священник.

– Мама? – хотела крикнуть Лукреция, но из горла вышел только хрип.

Случилось непоправимое, и страшная догадка стиснула ее в своих челюстях. По лестнице с грохотом спускались люди.

– Где его сиятельство? – крикнул кто-то. – Вы его видели? Позовите сюда!

Лукреция замерла, вцепившись в перила. Такой ее и нашла София. Няне пришлось силой оторвать пальцы девочки от резного мрамора и потащить в детскую. Младшеньких заставили встать на колени перед статуей Мадонны; София по обычаю отворила все окна, чтобы душа Марии улетела в рай.

Ворсинки ковра вдавились в кожу. Лукреция, сложив ладони, читала молитву и смотрела не в нарисованные глаза деревянной Мадонны, а в распахнутое окно, за которым лежал город. Мрачное серое небо разбухло от воды. Лукреция вздрогнула. Бедная Мария совсем одна уходит в эту грозную высь... Ее место тут, дома! Лукреции страстно хотелось обернуться и увидеть Марию на пороге: подбородок гордо поднят, руки скрещены на груди; она говорит о ткани свадебного платья и подготовке к танцам. Разве может человек жить, а на следующий день вдруг исчезнуть?

София потянула ее за рукав, напоминая смотреть на Ма-

донну. В печальном лице статуи читалось всепрощение, а у ног кольцом трепетали огоньки множества свечей. Однако Лукреция не могла оторвать глаз от неба в прямоугольных рамках окон, от волнистой линии птиц среди облаков.

Ничего похожего на душу Марии она не увидела. Ни ветерка, ни движения, ни вспышки света. Только нескончаемый дождь, бьющий тысячами серебряных игл по подоконникам в детской, по полу и зеленоватым окнам, по улицам и домам всего города.

Примерно через месяц после похорон Марии чуткое ушко прижалось к шершавой деревянной перегородке между комнатой и кабинетом великого герцога и услышало следующее: глухие размеренные шаги из одного конца комнаты в другую, скрип пера, сдавленный кашель и совсем близкий шелест дыхания. А затем голос Вителли, советника великого герцога Козимо:

– Прискорбно, – произнес он и добавил: – Хотя, разумеется, ничто не сравнится с горькой утратой госпожи Марии.

Молчание, после – неразборчивое бормотание в знак согласия. Козимо.

– Письмо из Феррары подобает случаю, – отчитался Вителли.

Послышалось шуршание бумаги: похоже, послание внимательно изучали.

– Итак... – продолжил Вителли, встав поближе к перего-

родке. Судя по всему, он читал из-за плеча Козимо. – Юноша и его отец, герцог, безмерно опечалены утратой и выражают глубочайшие соболезнования вам и матери госпожи Марии.

– Да-да, – слегка нетерпеливо поторопил Козимо.

Если бы обладательница ушка подвинулась левее, то заметила бы просвет в деревянной панели, а если бы прижалась к трещине как следует, увидела бы свет канделябра, очертания кресел, стоящую фигуру – вероятно, Вителли – и человека, сидящего в чем-то блестящем и коричневом, а именно великого герцога Козимо в мантии на собольем меху, которую он носил в холодные дни.

– Второе письмо, – продолжил Вителли после небольшой паузы, ибо он всегда знал, когда говорить, а когда промолчать, – пришло от некоего приближенного феррарского двора.

Козимо тяжело откинулся в кресле.

– И?

– Отправитель намекает, что герцог огорчен неудавшимся союзом так же, как и вы. Далее упоминается – и весьма тактично, должен заметить, – что герцог слаб здоровьем, и приход к власти его сына, Альфонсо – лишь вопрос времени. Потому я вынужден поторопить вас с ответом. На это место претендуют многие, значит...

– Что тут поделаешь? Я отнюдь не...

– Письмо намекает, – объяснил Вителли, – что герцог положительно смотрит на брак сына с другой вашей дочерью.

– Но... – Козимо почесал в бороде. – Ее светлость Изабелла уже обручена, я не могу разорвать такое серьезное соглашение. Как он себе представляет...

Вителли вежливо прокашлялся.

– Полагаю, ваше высочество, речь идет о госпоже Лукреции.

Любопытная девочка – если она там была – отпрянула бы от просвета. Обернись люди в комнате и заметь ее за толстыми деревянными стенами, она и то удивилась бы меньше.

– Лукреция?.. – повторил Козимо. – Она совсем еще дитя...

Вителли опять кашлянул.

– Ей скоро тринадцать.

– Тринадцать? Нет, ей... десять, да? Она еще живет в детской, с куклой играет! Не может ведь Феррара...

Вителли знаком убедил его замолчать.

– Да, она юна и мала ростом, но скоро ей исполнится тринадцать, государь. Этот брак очень выгоден, вы сами много раз говорили. Подумайте только: нам снова выпала возможность заключить союз между нашим регионом и Феррарой. Сын герцога скоро сам станет герцогом. Да, религиозные взгляды его матери усложняют дело, но все можно уладить, если сын герцога и впрямь такой способный, как утверждает мой осведомитель. А если упустить случай, наше место с радостью займут другие. Очевидно, Лукреция вскоре... – Советник тактично помолчал и продолжил: – ...достигнет зре-

лости. Если уже не достигла. Я наведу справки. Возможно, ваше высочество обдумает предложение?

Где-то в палаццо еще один голос, поглубже, сердито позвал:

– Лукреция! Лукреция! Куда она подевалась?

Любознательная девочка отбежала от перегородки и испуганным вихрем полетела по лестнице на второй этаж.

Няня скупно разливала суп, когда встрепанная Лукреция ворвалась в комнату, будто подгоняемая стаей волков; дверь хлопнула у девочки за спиной.

– Вон она где! – София пригрозила Лукреции половником. – Куда ты запропастилась? А я зову, зову!.. Садись сейчас же.

Лукреция устроилась за столом и взяла ложку. Брань Софии пролетала мимо ушей. Она не ела, только возила ложкой по тарелке, будто работала веслом на галее. В итоге суп Лукреции съел Гарциа.

Она все думала о разговоре между отцом и Вителли. Думала о сыне герцога Феррары, его блестящих сапогах, о том, как он прошел мимо нее на вершине башни, как погладил пальцем щеку. Думала о Марии, о лекарях, которые две ночи подряд шаркали туда-сюда: то в ее опочивальню, то обратно, а потом останки сестры положили в деревянный ящик и заколотили крышкой. Они потеряли Марию; многоглавое существо, именуемое детьми палаццо, утратило одну из голов.

Лукреция слышала, что отец велел перенести портрет Марии из мезонина в его покои. Она представила, как безучастные, красивые глаза сестры неотрывно наблюдают за отцовской комнатой. Интересно, смотрел ли папа на картину каждый день? Врезалась ли в его память мельчайшая черточка покойной дочери? Когда пришло письмо от отца ее жениха, стоял ли он перед портретом, гадая, отдать ли взамен другую дочь?

Что бы сказала Мария?

Сама мысль о помолвке с этим мужчиной, сыном герцога Феррары, попросту не укладывалась в голове. Как гром среди ясного неба! Лукреция не знала, что и думать. Занять место умершей сестры!.. Она застыла от страха. Мозг сам начал подбирать сравнения с Марией: Лукреция меньше, куда хуже разбирается в музыке и танцах, тушует перед гостями и придворными, витает в облаках и спит на ходу, теряет нить разговора, уступает Марии в красоте, ничуть не смыслит в нарядах и украшениях.

Она поставила локти на стол в детской, где провела всю жизнь, но собственное тело стало вдруг чужим: руки, ноги и голова принадлежали словно бы другому человеку, ей не под силу приказать им сидеть, поднять ложку ко рту, дышать. Страх нарастал, как мох на камне. Казалось, в палатку прокралось нечто и теперь стояло у нее за спиной. Лукреция сидела над пустой тарелкой и трепетала. Ей представилась темная студенистая тварь с неровным, дрожащим контуром;

глаз у твари не было, только влажная пасть, из которой шел пар. Ни к чему оглядываться: за ней явилась смерть. Пришло внезапное озарение: если этот брак состоится, она умрет – сейчас или чуть позже. Скоро. Никуда ей не деться от этой сущности, призрака собственной гибели.

Лукреция прижалась к краю стола. Огонь свечей вдруг стал невыносимо ярким, а потом угас. Грудь мучительно сдавило: тварь схватила свою жертву за горло и накрыла рот ледяными пальцами.

Ни с того ни с сего Лукреция скользнула под стол и поползла на ощупь. От твари не убежишь, она протянет лапу и схватит; надо затаиться и незаметно пролезть на другую сторону между ножками стульев.

Лукреция вылезла наружу. Няньки кричали, София возмущалась:

– Ради всего святого, ты что вытворяешь?!

Ну конечно! Они не видят ужасную тварь, не могут ее почувствовать, а она, Лукреция, может! Она рванулась было вперед, однако ее схватили за руку. Наверное, та Сущность? Вот и пришел конец? Теперь ее тоже запихнут в деревянный ящик и похоронят в фамильном склепе, как бедняжку Марию.

Она вырвала руку и бросилась к выходу. Воздуха не хватало, голова шла кругом от духоты. Камин, гобелены, сундук и дверь расплывались в огненном мареве. И вдруг все померкло, как занавесом накрыло, и Лукреция рухнула на пол.

Она будто проснулась от долгого сна... Но нет, она на по-

лу, рядом толпятся няньки, София хмурится, а братья спрашивают наперебой:

– Она живая? Очнется? Позвать папу, пусть вызовет лекаря?

Увидев, что Лукреция пришла в себя, София щелкнула пальцами и всех оттеснила.

– Уйдите! – велела она. – Все вон, сейчас же!

Братья и няньки неохотно поплелись к двери, а София принесла диванную подушку и подложила Лукреции под голову – нежно, очень нежно.

– Вечно одно и то же, – тихо ворчала София. – Попробуй пойми, что ты в следующий раз выкинешь.

Няня поднесла стакан воды к губам девочки, с трудом наклонившись на ковре, где сидела в ворохе юбок, как голубица в гнездышке. Ослабила шнуровку на платье Лукреции и осторожно убрала волосы с глаз подопечной.

– Ну, – начала София, – рассказывай. Что случилось?

Лукреция покачала головой и отвернулась, хотя знала, что София все равно вытянет из нее правду.

И конечно, когда Лукреция подняла глаза, София глядела на нее, прищурившись.

– Живот болит? – не сдавалась нянька. – Или голова? Я видела, ты ничего не съела. В чем дело?

Хотя Лукреция зажмурилась, предательские слезы все равно закапали с ресниц. С чего начать эту необъятную, громоздкую историю: с письма, со смерти Марии или с мужчи-

ны на вершине башни?

– Давай. – Няня с непривычной мягкостью взяла Лукрецию за руку. – Расскажи все старушке Софии.

– Они... – запинаясь Лукреция, переплетая пальцы с шершавыми пальцами няни. – То есть отец... или Вителли... не знаю даже... Они хотят...

– Чего? – София внимательно на нее посмотрела.

Лукреция глотнула воздуха. Серое чудовище опять приближалось, но оно побоится ее схватить при Софии.

– Они хотят... сын герцога, за которого Марию хотели выдать... Они, в общем... Отец и Вителли думают, отец герцога захочет...

София наклонилась поближе и вслушивалась в каждый звук, словно пыталась не упустить тончайшую золотую нить, которую вот-вот подхватит ветром.

Обе с минуту молчали. София пристально и хмуро посмотрела на Лукрецию.

– ...тебя? – наконец спросила она.

Лукреция кивнула, обрадованная сообразительностью Софии: ей даже не пришлось ничего объяснять!

– Хотят выдать тебя за сына герцога? Ты своими ушами слышала?

Призадумавшись, София шевелила губами, будто пробовала эту мысль на вкус. Ее лицо покраснело от гнева. Она перешла на родной диалект, в ее тираде прозвучали и Мадонна, и дьявол, и какие-то непонятные слова.

– Тебе двенадцать, – убеждала она скорее саму себя. – А наследнику Феррары двадцать четыре.

Она снова умолкла, затем постучала пальцем по костяшкам Лукреции.

– Даже спрашивать не стану, откуда ты это выведала.

София выпустила ее руку и, запыхавшись, встала. Затем доковыляла до окна, держась за поясицу, и выглянула на пьядцу. Подошла к камину и поворошила кочергой в огне; поленья затрещали от такого обращения, гневно выбросив целое созвездие искр из черного от сажи жерла.

– Можно... – обратилась София будто бы к дровам. – Нет, даже нужно нам с тобой быть похитрее. Как парочке лисиц. Понимаешь?

Лукреция кивнула, хотя ничего не поняла. Она осторожно привстала, опираясь на локти. София поставила ее на ноги, придерживая под мышками. Затем положила на ее щеку ладонь.

– Вителли скоро придет, – прошептала она. – Будет нас расспрашивать.

– Да?

София крепче прижала ладонь к щеке Лукреции. Необычное прикосновение – неловкое, и в то же время мягкое. Настойчивое и в то же время нежное.

– Что бы я ему ни сказала, как бы ни ответила, во всем со мной соглашайся. Ясно?

Лукреция озадаченно кивнула.

– Отвечать буду я, ты молчи. Только кивай. И никому об этом не рассказывай. Обещаешь?

– Обещаю.

– Свадьбу отменить не получится, но, с Божьей помощью, удастся отложить. Совсем немного, пока не подрастешь. У нас будет годик-два, правильно же?

На миг, всего на миг София крепко прижала Лукрецию к груди. Фартук няни щекотал девочке нос и щеку. Потом София отпустила ее и зашагала к столу, что-то ворча про бардак и грязные тарелки, дескать, никакой помощи не дождешься, за кого они ее принимают, она им не ломовая лошадь...

Конечно, София была права.

Следующим же вечером явился Вителли, обозначив присутствие двумя резкими ударами в дверь.

Младших братьев уложили спать, двум нянькам поручили заштопать зимние чулки детей, Лукреция по заданию учителя писала маслом эскиз мертвого скворца, которого нашла в мезонине; она переворачивала птицу, пытаясь запечатлеть неуловимый радужный отлив перьев. София пересчитывала постельное белье в сундуке.

Когда раздался стук, София вскинула голову. Подняла глаза на дверь, потом на Лукрецию. Затем, ко всеобщему недоумению, продолжила считать белье. Две младшие няни обменялись удивленными взглядами, но остереглись подойти к двери. В детской главной была София, и никто больше

не посмел бы открыть гостю.

И снова стук, на сей раз громче и сильнее.

– Семь, – как ни в чем не бывало бормотала София, – восемь, девять. – Довольно вздохнув, она шлепнула последнюю простынь в стопке. – Десять!

Открыла сундук, затем неспешно и аккуратно уложила белье на дно.

Вновь раздался настойчивый стук.

– Минутку! – крикнула София. – Иду!

Она протерла сундук от воображаемой пыли и принялась расхаживать по комнате: то тарелку на столе поправит, то задвинет на место стул. Провела тряпкой по ручке двери, взялась оправлять капор, смотрясь в зеркало над камином.

Отворив наконец дверь, она оглядела гостя с головы до ног.

– Синьор Вителли! Вот не ждали! Зайдете?

Вителли важно шагнул внутрь и остановился посреди ковра. На советнике была отороченная заячьим мехом накидка, складками спадающая к ногам, а к груди он прижимал папку в кожаном переплете.

– Ты и ты! – Вителли указал пальцем на нянь, застывших с иголками в руках. – Уйдите.

Девушки испуганно покосились на Софию.

Та стояла на пороге, держа тряпку, и молча оглядывала посетителя, словно высматривала на его одежде грязные пятна, затем кивнула. Няни забрали штопанье с нитками и за-

семенили в спальню. Дверь за ними захлопнулась.

– Чем могу быть полезна, синьор? – прищурилась София. – Выпьете чего-нибудь? Мы с Лукрецией как раз собирались...

– Нет, – перебил советник и заглянул в папку. – Я вас не задержу. Мне хотелось бы обсудить с вами кое-какой вопрос. Кхе-кхе, – нарочито прокашлялся он. – Весьма деликатный.

Лукреция заерзала в кресле и пригладила мокрый ворс кисточки. Пучок она сделала из шерсти, вырванной – стыдливо, украдкой – у кошки, которая вытянулась подремать у камина. Животное даже не проснулось, а на днях Лукреция заметила, что проплешинка заросла.

Лукреция аккуратно окунула самый кончик кисти в синюю краску – ее было совсем мало, пришлось экономить, – и тут Вителли снова заговорил:

– Мы получили подтверждение, что Альфонсо, наследник герцога Феррары, Модены и Реджо, желает вступить в брак с ее высочеством Лукрецией.

Лукреция замерла, занеся над рисунком кисточку с редким и дорогим ультрамарином. Девочка не могла ни дышать, ни поднять глаз, иначе Вителли так и пронзил бы ее своим взглядом и понял бы: она все знает, есть у нее привычка слоняться по коридорам и подслушивать.

А вот над Софией, похоже, у него не было такой власти.

– Сын герцога Феррары? – изумленно повторила няня. – Нареченный госпожи Марии, царствие ей небесное? – Со-

фия истово перекрестилась.

Вителли опять кашлянул.

– Именно. – Потом заученной скороговоркой добавил: – Разумеется, семья Феррары огорчена утратой госпожи Марии, однако же герцог по-прежнему ищет супругу для сына. Альфонсо сохранил самые приятные воспоминания о встрече с госпожой Лукрецией. Он избрал ее своей невестой. Женитьба на сестре покойной... – Вителли захлопнул папку, – не нарушает правил приличия и свидетельствует об уважении. Герцог желает породниться с нашим домом и таким образом выказывает почтение. Не говоря уже о том, как высоко он ценит ее высочество Лукрецию, – поспешно добавил советник.

Склонившись над столом, Лукреция осторожно обводила ультрамарином крыло скворца. Цвет, казалось, вибрировал и расходился волнами, толкал глянцевито-черную краску перьев. Если бы цвета можно было слышать, их противоборство звучало бы какофонией двух несочетаемых нот.

– Какая честь! – вымолвила София, а сама растягивала руками тряпку, вот-вот порвет. Вителли и не догадался, что она имела в виду обратное.

– Безусловно, – кивнул советник и состроил причудливую гримасу: сощурил глаза и показал зубы. «Да он так улыбается!» – не сразу сообразила Лукреция.

– Только... – София шаркнула ногой по ковру, – ...герцог и его сын, наверное, не знают, как юна Лукреция.

– В следующий день рождения ей тринадцать, и...

– Ей всего двенадцать, – перебила София. – А наследнику герцога, полагаю...

– Госпожа Мария, царствие ей небесное, лучше подходила по возрасту, но Альфонсо готовится к управлению Феррарой, и женитьба здесь, конечно, играет важную роль. Этот союз благоприятен для обеих сторон.

– Она еще дитя, синьор.

– Многие женщины выходят замуж в...

София подняла голову.

– Она еще дитя, – повторила няня так многозначительно, что Лукреция покосилась на нее. София незаметно скрестила пальцы за спиной. Она была женщиной суеверной, никогда не клала шляпу на кровать и никого не обгоняла на лестнице: верила, что так можно накликать беду.

Вителли прищурился и громко сглотнул. Выпирающий кадык дернулся.

– Правильно ли я понимаю, синьора, что она еще не... – Советник тактично умолк.

София не ответила, только подняла брови в притворном недоумении.

– Еще не что? – поторопила она.

Вителли опустил глаза в пол, скользнул взглядом от окна до потолка.

– Не начала... как бы выразиться... м-м-м... У нее еще не было?..

И вновь София ничем не помогла советнику; тишина нарастала. Лукреция поглядывала на них из-под ресниц. Она понятия не имела, о чем идет речь. Только чувствовала: Вителли сдувается и весь почти опустел, как грозовая туча, что расплзлась на несколько безобидных облачков.

– У нее еще не... – снова попробовал Вителли. Он был суденышком в бурных волнах прилива, а София никак не хотела принять швартов, который советник ей отчаянно бросал.

– Еще не что? – невинным тоном спросила няня.

Вителли стиснул зубы, так и не решаясь встретиться с ней взглядом.

– Синьора, у Лукреции начались... – Он закрыл глаза и призвал всю свою храбрость: – ...ежемесячные кровотечения?

– Нет, – только и ответила София.

Лукреция опустила взгляд, но не на рисунок, а на скворца, лежащего около кистей и баночки с краской. Смотрела на птицу, потом – на картину. Больше никуда. На нежные, чешуйчатые лапки – никогда им не стоять на ветке или на каменном подоконнике; на сложенные крылья в нескольких слоях перьев – никогда этим крыльям не расправиться, не взмыть по ветерку, не понести птицу над крышами и улицами. Лукреция поглядела на рисунок и нашла недочеты: линия клюва получилась плохо, глянцевито-зеленые перья не совсем удалось передать.

«Нет» Софии эхом звучало в голове. Няня сказала «нет»

уверенно и твердо. Посмотрела на Вителли и сказала: «Нет».

Лукреция коснулась хвостика скворца. Она нашла птичку сегодня утром в мезонине. Она влетела через открытое окно, а выбраться не смогла. Наверное, всю ночь металась по этажу, в ужасе стучала клювом о стекло, отчаянно размахивая крыльями. Лукреция погладила бархатистое горлышко пальцем. Представила, как таяла надежда в сердце птицы. Должно быть, она видела в окно, как товарки веселой стайкой кружат над землей, темным облачком парят над крышей палатки. А потом улетают, бросив ее в плену... Нет, невыносимо! В Лукреции проснулась нестерпимая жалость к бедной птице.

София сказала «нет». Значит, она, Лукреция, обязана исполнить свою роль. Не поднимать головы, как сейчас, глядеть на скворца, на его несовершенную копию на бумаге. Не выдать Вителли, что София украдкой скрестила пальцы за спиной, что уже рассказала ей, как поступать при ежемесячных кровотечениях: подложить кусок ткани, свернутый в несколько раз; чуть-чуть нагреть в огне гладкий камень, потом обернуть полотном и положить на живот. Так кровь быстрее и легче выходит, объяснила София, пока Лукреция лежала в постели, одурманенная болью. Это случилось уже дважды. София сказала: кровотечение приходит каждый месяц, как полнолуние. Ко всем женщинам. «И к маме?» – удивилась Лукреция. Ее невозмутимая, сверкающая драгоценностями мать тоже не избежала этой напасти? София кивну-

ла. «И к маме», – ответила она.

И вот в жаркой комнате, где стоит недовольный и злой Вителли, а напротив – маленькая, но непреклонная София, Лукреции так и хочется спросить: а при чем тут наследник герцога, замужество, ее возраст – в чем связь? Но нельзя. Надо поднять кисточку и смыть ультрамарин с ворсинок кошачьего меха; рассматривать рисунок и даже не шелохнуться, прямо как скворец на столе. Никто не должен узнать ни о кровотечениях, ни о ткани, ни о теплых камнях, ни о словах Софии.

– Ясно, – разочарованно процедил Вителли. – Что ж, она всегда была маленькой для своих лет. Хилой.

София пожала плечами. Выпрямила скрещенные за спиной пальцы.

– Мы продолжим переговоры о помолвке, но следует сообщить Ферраре, что брак придется отложить, пока госпожа Лукреция не... – Вителла махнул рукой. Он уже не повторит тех слов без крайней необходимости. – Пожалуйста, синьора, уведомите меня, когда придет время.

– Разумеется.

Она едва заметно взмахнула юбками, как бы невзначай, но это был знак триумфа, одержанной победы.

Видимо, советник тоже это понял, потому что нахмурился и разом посуровел.

– Наедине, если не возражаете.

– Конечно, синьор. – София сверкнула щербатой улыб-

кой. – Как только узнаю, сама к вам приду. И будем считать дни до свадьбы!

Вителли внимательно посмотрел на няню: не мог понять, всерьез она или нет. Он уже собирался выйти, как вдруг передумал и пошел к Лукреции.

С каждым шагом он становился выше; пришлось задрать шею, чтобы получше его увидеть. Во рту сразу пересохло, а сердце бешено заколотилось в груди. Вдруг он и ее спросит о том же? Получится ли соврать? Вдруг потребует ответить, правду ли сказала София? Что тогда? А если он догадается, то как поступит с Софией?

Лукреция видела каждую крапчатую ворсинку на меховой оторочке его накидки. На кончиках шерстинки были светлее, почти золотистого оттенка, а у корней – темные. Сколько же зайцев ради этого убили? Семь, восемь, девять? Старых, уже на пороге смерти, или молодых, только-только сменивших пух на «взрослую» шубку?

Вителли склонился над Лукрецией. На одно странное мгновение ей показалось: вот сейчас советник завернет ее в свою накидку – и прощайте, надежные стены детской, прощай, София; он спустится с ней в самые глубины палатки, где поджидает герцог Феррары, и тот снимет свои рукава-буфы и уже не мышку изобразит, а хищно улыбнется и спросит грозно, почему она не спасла сестру, почему умерла Мария, да как Лукреция смела думать, что сумеет занять ее место? Как только смела?

Однако советник лишь взял ее рисунок. Поднял маленькую квадратную *tavola*²² за уголок и поднес к лицу.

– Чья это работа? – спросил Вителли.

Лукреция, онемев от волнения, молча показала на себя пальцем.

Вителли этого не заметил. Он надвинул очки на кончик носа, пристально разглядывал нарисованного скворца (на трупик он даже не обратил внимания) и удивленно хмурился.

– Кто это сделал? – повторил он.

– Я, – прохрипела Лукреция. «Прошу вас, прошу, – мысленно заклинала она, – не спрашивайте про кровь. Не смотрите на меня!» Уж наверняка Вителли легко читает по лицам!

А может, и нет. Он ответил ей озадаченным взглядом.

– Вы? Нет, вряд ли. Ваш учитель, конечно? Он нарисовал, а вы закончили, верно?

Лукреция растерянно кивнула. Потом покачала головой.

– Нет, она сама. – София незаметно подошла к ним и положила руку на плечо подопечной. – Она любит рисовать на деревянных дощечках. Постоянно над ними сидит. У нас их полные ящики!

Вителли долго всматривался в Лукрецию. Взгляд его скользил по волосам, разделенным прямым пробором, по вискам, по глазам, щекам, шее, рукам, ладоням. Лукреция

---

²² Дощечка (*ит.*).

дрожала от страха. Он проходил по ней взглядом, как проходят жесткой щеткой по полу.

– Хм-м, – протянул советник, по-прежнему изучая *tavola*. На ней скворец лежал, сложив крылья, поджав лапки, опустив голову, покорясь смерти. Лукреция обвела его рамкой из плюща и омелы. – Можно взять?

Вопрос, конечно, не требовал ответа. Советник уже развернулся, вложил миниатюру в кожаную папку и затянул шнурком. Теперь птице не суждено было взлететь, даже будь она живой.

Истинная цель поездки

Fotrezza, недалеко от Бондено, 1561 год

Без всякого предупреждения Лукреция получает знак, проблеск понимания истинной цели ее путешествия.

Альфонсо уже слез с нее и задремал, так и не вытащив руки из ее сорочки. Свечи не горят, и спальня погружена в темноту, почти живую, дышащую, с широкими мохнатыми боками.

Вдруг в незнакомой комнате на Лукрецию что-то нисходит. Нечто вроде видения, но не совсем – неуловимей, ярче и внезапнее.

Ей представляется картина – законченная, отточенная до небывалого совершенства. Картина на продолговатой прямоугольной *tavola*. Лукреция отпилит столько, сколько потребуется, под нужным углом, а посередине нарисует замок. Нет, белого мула. Нет, куницу-белодушку с полосками на лице. Или кентавра? Или всех сразу. Не одну картину, а серию миниатюр в резных рамках с тщательно обработанными деталями, завитками и украшениями. Надо сейчас же выпилить дощечку. Впрочем, лучше завтра, а то разбудит Альфонсо. Она хотя бы взяла нужные инструменты? Пилку, строгальный ножик? Вроде бы нет.

Разочарование острыми сосульками впивается в сердце. Идея есть, а воплотить нельзя. Как это мучительно! Ладно,

завтра она сделает наброски. Или сейчас, сию же минуту! Выскользнет из постели, вновь зажжет свечу трутом и достанет из дорожной сумки рулон пергамента.

Не все потеряно. Она точно знает. Спускается на пол, заворачивается в меховую мантию мужа, шагает к свече.

Жизнь продолжается, все идет своим чередом. Альфонсо никакой не убийца и не чудовище, как ей показалось за ужином, – на нее нашло временное помешательство, прямо-таки дьявол на ухо шептал! Говорили же ей и мать, и София: слишком она мечтательная, склонная к чудным фантазиям и страхам, а вести себя нужно благоразумнее. Может, они и правы. Здесь она восстановится, и брак ее тоже. Муж привез ее сюда только потому, что с детства любит это место. Днем она будет с Альфонсо, окружит супруга заботой и вниманием, а по ночам станет работать.

Свеча загорается с первой же попытки. «Все будет хорошо», – думает Лукреция и с улыбкой кладет руки на стол.

Кое-что из книги

Палаццо, Флоренция, 1557 год

Софии удалось сохранить тайну Лукреции и отложить ее брак почти на целый год. Запачканную одежду и постельное белье она отстирывала в тазу и сушила в шкафу. Если пятна не смывались, она ловко отправляла вещи в огонь и вместе с Лукрецией наблюдала за горящими уликами. Если другие няньки что-то и знали, то хранили молчание из верности Софии.

Семьи продолжали переписываться, обсуждать помолвку и приданое. Лукреция подслушала разговор Вителли с писцом и узнала: для ее будущей свадьбы отец хочет сохранить те же условия, что были у Марии, но дом Феррары просит выплату побольше из-за отсрочки. А пока Лукреция ждала мать в вестибюле у отцовского кабинета, она узнала, что Вителли посоветовал приберечь золотые скудо²³ на будущее – когда родится наследник мужского пола, эту часть выкупа можно будет считать уплаченной. Отец кивнул.

Зима плавно перетекала в весну, снега таяли, в палаццо прибыл очередной *nano*²⁴ и получил имя Морганте, как и все его собратья. Поговаривали, что Элеоноре очень нрави-

---

²³ Скудо – итальянская денежная единица, используемая в XVI–XVIII вв.

²⁴ Карлик (*ит.*).

лись его смешные ужимки. Горожане в шерстяных шапках и шалях и любопытная ребятня у парапета палаццо радовались: на западный угол пьядцы вернулась цветочница с полной корзиной густых веточек сирени. Отец прибыл после ежедневного заплыва по реке Арно; оказывается, на Козимо совершили покушение, но он вместе с солдатами-швейцарцами справился с наемниками. Потом его призвали подавить восстание в городе Ареццо. Элеонора устроила прием, первый со времен смерти Марии: акробаты показывали номера, а гости танцевали под музыку. После все твердили, что в изысканности блюд Элеонора превзошла саму себя. Лукреция изучала военную тактику древних греков, рисовала сцены из Гомера, привольно гуляла у зубчатой стены и любовалась, как скворцы живой волной порхают в небе. Братьев учили правилам *calcio*²⁵ во внутреннем дворе, Гарциа вывихнул руку, когда Фердинандо слишком уж его защекотал, Пьетро взял в привычку кусать братьев, если они ему досаждали, и лекарь делал ему кровопускание дважды в неделю, дабы восстановить баланс гуморов²⁶. Сторожевая собака родила щенят. Шелкопряды из инсектария Элеоноры по-прежнему поедали листья тутового дерева; между листьями тянулись тончайшие нити шелка, блестящие в свете утрен-

---

²⁵ Кальчо (*ит.*) – командный вид спорта, напоминающий современные футбол и регби.

²⁶ Гумор – по устаревшему представлению, одна из четырех основных жидкостей в теле (включают в себя кровь, флегму, желтую и черную желчь). Дисбаланс жидкостей-гуморов, согласно этой теории, вызывал внутренние болезни.

него солнца.

Неизбежная помолвка, брак, суженый и будущая жизнь в Ферраре казались Лукреции в те дни очень далекими. Да, свадьба непременно состоится – эту истину она усвоила и выучила назубок, как стихотворение на латыни в школе. А вот само значение и смысл события от нее ускользали. Жизнь в palazzo шла своим чередом. Изабелла по-прежнему расхаживала от внутреннего двора к салону в пышных нарядах, оставляя за собой шлейф серебристых смешков; Пьетро по-прежнему капризничал, ревел до хрипоты и стучал кулаками по полу; София по-прежнему наливала обеденный суп в прежние тарелки за прежним столом; солнце по-прежнему вставало за окном классной по утрам и двигалось к спальням по вечерам. Дверь в покои Марии стояла запертой. Иногда Лукреции казалось, что так будет и впредь, что она всю жизнь проведет в этих комнатах с братьями, в привычном платье и чулках.

Вскоре после тринадцатого дня рождения Лукреция встала с постели и пошла к окну посмотреть погоду, и за спиной вдруг кто-то ахнул: в дверях стояла мама, а по обе стороны от нее – две придворные дамы. Лицо матери сияло.

– Поглядите на Лукре! – Элеонора хлопнула в ладоши. – Знаменательный день!

Лукреция неуверенно улыбнулась маме. Чем это она заслужила такую похвалу и внимание?

Все взгляды в комнате обратились на нее; три няньки ото-

рвались от работы, руки их тут же повисли. Лукреция посмотрела туда, куда показывала пальцем Элеонора. Отчего мама радуется, разве что-то в ней изменилось?.. Длинный белый *camiciotto*²⁷, босые ноги, под ними – доски.

– Смотрите! – призвала мама и развернула Лукрецию лицом к стене.

Женщины заохали.

– Поздравляю! – воскликнула одна из них.

– Видите, да? – торжествовала Элеонора, но Лукреции ничего не объяснила.

Она повернулась и так, и сяк. В чем дело? Что в ее спине удивительного?

А потом увидела. По ткани расплзлось красное пятно: халат был картой, а пятно – одиноким островком посреди бескрайнего белого моря. Ну конечно, вот почему сегодня тянуло живот, будто внутри сжимался и разжимался кулак.

Элеонора послала за его светлостью. Они сейчас же напишут в Феррару и начнут подготовку к свадьбе, пусть сторона жениха приезжает во Флоренцию. Как замечательно!

Лицо Лукреции горело, будто она стояла у открытого огня, а ноги и руки онемели от холода. Слова матери падали с неба, как хлопья пепла. Она стиснула складки халата и опустила глаза на дощатый пол.

Мать вернулась к придворным дамам. Они болтали о приготовлении к свадьбе, о швее и подгонке платья, о том, как

---

²⁷ Халат (*ит.*).

уже сегодня можно будет им полюбоваться. Лукреция подняла голову и встретилась глазами с Софией. Няня стояла у сундука, держала за одну руку Пьетро, за другую – Гарциа. Все трое смотрели на нее; братишки растерялись от шумихи вокруг сестры. Лицо Софии оставалось непроницаемым. Она только сжала руки мальчиков крепче, ее губы едва заметно зашевелились, то ли прося прощения, то ли шепча молитву.

Дамы Элеоноры сообщили новость Вителли, а тот с должным тактом передал весть отцу Лукреции. Козимо пришел в покои Элеоноры, и супруги радостно обнялись. Козимо велел уведомить двор Феррары о долгожданном взрослении Лукреции. На следующей неделе гонец доставил Козимо через всю Болонью договор, скрепленный подписью и печатью. К договору прилагалось письмо от самого герцога: тот с нетерпением ждал, когда союз их детей осветит церковь, передавал искренние поздравления великому герцогу Тосканы и его близким и обещал отныне за них молиться. Увы, его сын Альфонсо вскоре отправится во Францию сражаться во имя короля. Если великий герцог согласен, то свадьбу можно отложить до возвращения Альфонсо. А пока он будет считать каждый день до заветного события.

Откинувшись в кресле, Козимо вчитывался в письмо. Затем положил его на стол, взял брачный договор и четыре-пять раз внимательно прочел, задумчиво потирая подбородок.

родок. Поклонившись, секретарь протянул государю на выбор череду перьев на подносе, из которых герцог взял нужное и вычеркнул несколько пунктов, предложенных Феррарой. Он исправил цены и исключил требование о передаче северных земель в наследство. Пояснил причину изменений в записке и попросил согласия Феррары по этим небольшим вопросам, а еще напомнил, что уже предлагал вычеркнуть эти пункты прошлой весной. Он не возражал против свадьбы по возвращении Альфонсо с поля боя («А ведь он может вернуться через год, а то и два», – добавил герцог в сторону Вителли).

Козимо подписал документ, подержал палочку воска над огнем, и кровавые капли потекли на бумагу; потом придавил перстень с печатью к алому кружку, тем самым разрешая брак между своим пятым ребенком и наследником древнего императорского рода.

Вскоре эмиссар из Феррары доставил Лукреции официальные письма.

От ворот палатцо их отнесли в кабинет Козимо, где содержание тщательно проверили, затем – в приемную Элеоноры, где сначала сама великая герцогиня, а потом все ее придворные дамы также изучили письма, после – в новую комнату Лукреции за часовней, квадратную и с высокими потолками.

Сидя у камина, Лукреция взяла у слуги письма, разложила на столе и растерянно на них смотрела. Она до сих пор всех убеждала, что не хочет замуж за сына герцога, не хо-

чет занимать место сестры, и все же признавала правду: безжалостный механизм помолвки уже запущен, никуда не денешься. Ее родители и все слуги, похоже, негласно решили пропускать мимо ушей ее возражения и преспокойно обсуждали свадебные планы, рецепты блюд для пиров, стоили ли сменить в большом зале стенной гобелен, подавать ли на ужин только тосканские вина или другие тоже, каких музыкантов отправить играть на балконе, а каких – в зале, какие наряды заказать у швеи на всю семью. А теперь еще новость: письмо от самого сына и наследника!

Она приподняла печать ногтем и с мимолетной искоркой недоумения заметила, что письмо уже вскрывали. С другой стороны, ничего удивительного. Естественно, родители все прочли и только потом отдали ей. Листок был сложен книжкой, она развернула его на столе. Письмо было написано размашистым почерком с завитушками, а начиналось оно со слов «Моя дорогая Лукреция».

Лицо обдало нечаянным жаром. Непонятно, что тут самое необычное: собственническое «моя», тревожащая нежность слова «дорогая» или ее имя, выведенное рукой Альфонсо. Никто еще к ней так не обращался. Она чья-то «дорогая», чья-то Лукреция; эти три слова змеей обвили ее, на миг она увидела себя в объятиях ласковых рук.

Глаза снова вчитались в «Моя дорогая Лукреция», скользнули к «Позвольте называть вас так? Ибо вы есть и будете мне дороги».

Бумага дрожала в ее руках, и она положила письмо на плотную ткань юбки, но взгляд по-прежнему скакал по всей странице, цепляясь за случайные слова: «хранить», «горячо», «с нетерпением», «плодотворным», «сражаться во имя короля», «молитесь», «преданный».

Не отпуская уголков листа, Лукреция все же заставила себя читать по порядку, строчку за строчкой. Альфонсо очень радуется их скорой свадьбе. Счастливый будет день! Он, его семья и, конечно, весь двор с нетерпением ждут торжества. Увы, на этой же неделе он отбывает во Францию исполнить клятву и сражаться во имя короля Генриха. Каждый день разлуки он проведет в мыслях о ней, Лукреции. Он просит ее молиться за своего будущего мужа, за его возвращение домой живым и невредимым. Не найдется ли у нее минутки написать ему? Не расскажет ли она о своей жизни и занятиях? Он будет бережно хранить ее письма и горячо надеяться, что их брак окажется плодотворным и счастливым. Любящий и преданный жених, Альфонсо.

Первым же ее порывом было написать ему: «Простите, я не могу за вас выйти. Надеюсь, вы поймете», но не стоило даже пытаться. Отец, его секретари и помощники перехватят письмо, а мать ее накажет.

И все же она ответит. Поступит, как подобает. Мужчина написал девушке (она никак не могла примерить на себя слово «невеста»), а та ему ответит. Вот только о чем писать? Как она гуляет в мезонине? Как часами глядит на пьядцу?

Учится играть на лютне, работает над переводом с греческого, ищет, что бы нарисовать? Да чем ее письма могут заинтересовать будущего герцога Феррары?..

Кто-то тихонько кашлянул, и Лукреция подняла глаза. В проходе стояла служанка, которая принесла письмо. Ой, она еще здесь!..

– Да? – Лукреция изобразила уверенный тон. Так, наверное, разговаривают девушки, когда получают письма от жениха. «Горячо», «плодотворный», «счастливый», – пронеслось у нее в голове.

– Простите, – прошептала служанка. – Ее высочество, ваша матушка, просила передать, что эмиссар ждет ответа.

– О! – удивилась Лукреция. Ждет? Надо писать немедленно? Она и не догадывалась, что ответ потребуется так срочно. Что написать? Где найти слова?

Она посмотрела на стол: астролябии, звездная карта, сложенная подзорная труба, несколько каламов²⁸ (она как раз их затачивала), перочинный ножик; чаша, заскорузлая от смеси льняного масла и сухой яри-медянки²⁹. Лукреция отодвинула все это влево, потом вправо. Найти бы хоть один чистый листок, хоть какое-нибудь перышко! Не может ведь она писать воину короля на пергаменте в пятнах краски и дырочках от циркуля! К тому же письмо прочитает ее мать, и если получится коряво, неправильно и...

---

²⁸ Калам – письменная принадлежность с острым, скошенным концом.

²⁹ Ярь-медянка – зеленая краска, полученная в результате окисления меди.

Служанка шагнула к ней и положила на край стола два предмета.

– Эмиссар передал, ваша светлость. Для вас.

Лукреция отвлеклась от поисков и посмотрела на подарок: один был маленький, завернутый в холстину и плотно перевязанный бечевкой, а другой плоский, обернутый льняной тканью. Лукреция потянулась к маленькому, собралась развязать узелок, но ее взгляд привлек подарок побольше – длинный и прямоугольный, с острыми краями. Поколебавшись мгновение-другое, она притянула его к себе за узелок бечевки.

Ну конечно, внутри лежит портрет Альфонсо. Должна ведь она знать, как выглядит жених, посмотреть ему в глаза.

Где перочинный ножик? Куда делся? Лукреция выдвинула ящик стола и принялась рыться в перьях и чернильницах.

– У тебя нет ножа? – спросила она служанку. – Или ножниц?

Та удивленно посмотрела на нее и покачала головой.

Лукреция задвинула ящик и попыталась развязать подарок острым концом циркуля. На третий раз узел ослаб и поддался. Она отбросила инструмент и развязала узел, сорвала бечеву и обертку. Слой за слоем она убирала солому и лен, пока не добралась до оборотной стороны деревянной дощечки. Ну конечно, портрет жениха. «Давай-ка посмотрим на тебя», – подумала она, перевернув *tavola*.

Подарок застиг ее врасплох. Вместо лица, смутно знако-

мого по тому дню на вершине башни, Лукреция увидела нечто иное. С дощечки на нее глядели любопытные глаза-бусинки, а у ног диковинного существа лежал свернутый хвост. Она никогда ничего подобного не видела. Блестящий мех цвета древесной коры, когтистые лапы, узкая мордочка с розовато-коричневым носом, молочно-белая грудка и тонкий пучок усов.

Вроде выдры, или норки, или крохотного медвежонка – очень похоже на них всех, и все же совсем другое животное. Лукреция невольно ахнула от удивления. Такой мужчина – и вдруг присылает столь неожиданный, необычный подарок! На помолвку всегда дарят или портреты, или драгоценности. А ее будущий муж прислал вот это. Ее сразу же от макушки до пяток наполнила нежность к забавному существу на картине. Радостно всплеснув руками, она любовалась рисунком.

Служанка незаметно подошла поднять лен и веревку и протянула Лукреции выпавшую из соломы записку.

Лукреция рассеянно взяла ее и развернула.

Еще одно письмо, на сей раз короче.

«Дорогая!

Зная вашу тягу к животным и любовь к искусству рисования, отправляю это вам.

*Мне всегда нравилась эта работа; когда-то она висела у меня в детской, а теперь пусть будет ваша. Зверек на портрете – куница-белодушка, или *la faina*, как ее называют в наших краях. Они прелестны, но пугливы, обитают в лесах Феррары. Мы будем*

частенько с ними встречаться на конных прогулках.

Конечно, они животные дикие, но, быть может, вы примете в дар куницу, укрощенную кистью художника? Надеюсь, картина напомнит вам обо мне и нашей помолвке.

*С любовью,
Альфонсо».*

Лукреция положила письмо на стол. Осторожно провела пальцем по нарисованной спинке животного, ощутила контуры и волны масла и красителя – тайное послание неизвестного художника. Вместо скучного портрета жениха – лесной зверек. Что скажет мама? А отец? Они будут очень недовольны. Лукреция зажала рот, чтобы не рассмеяться вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.